

Алекс Миро

Геном: исцеленные

Остров в сердце Нью-Йорка
подарит пациентам жизнь...
или заберет ее

*Серия:
двоемочие*

Алекс Миро

Геном: исцелённые

«Автор»

2019

Алекс Миро

Геном: исцелённые / Алекс Миро — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08515-2

Первая книга серии "Двоеточие". 2042 год. На острове в сердце Нью-Йорка работает крупнейший в мире институт генетических исследований. Помимо официальных экспериментов, здесь ведут поиски «вакцины бесконечной жизни», и ради этого врачи готовы принести любые, даже человеческие, жертвы. Все ли пациенты выберутся с острова живыми? А если и выживут, останутся ли они прежними? Психологический фантастический триллер об острове, хранящем страшные тайны, о людях, готовых на все, ради власти и наживы.

ISBN 978-5-532-08515-2

© Алекс Миро, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Шторм на Ист-Ривер	6
Остров встречает гостей	11
Тот, кто не родится	18
Чудеса генетики	26
Ты боишься	34
Цена времени	40
Бессмертная	44
Качаясь на волнах	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алекс Миро

Геном: исцелённые

Шторм на Ист-Ривер

2042 год

– Мы обошли весь остров. – Офицер Брайс, в черной форме с серебристым значком на груди, стоял в дверях кабинета доктора Робертса. – Я был уверен, что тут и прятаться негде. Тем более удивительно, что мальчик отыскал такое укромное место.

– Где вы его нашли? – спросил доктор Робертс.

– Под досками причала, у нас под носом, – мрачно сказал Брайс.

Брайс промок и продрог до костей. С Ист-Ривер дул пронизывающий осенний ветер, шел мелкий дождь, от которого невозможно спрятаться под зонтом. Стволы старых деревьев, не тронутых при застройке Норт-Бразер-Айленд, раскачивались, ветви сталкивались, кроны тряслись, осыпая землю крупными каплями. Больше всего на свете Брайсу хотелось сдать суточное дежурство, вернуться домой, открыть банку пива и принять горячую ванну.

В сопровождении двух полицейских он прибыл сюда накануне под вечер. Поездка на катере с ближайшего причала хоть и заняла пятнадцать минут, но изрядно взболтала второпях проглоченный обед. Черные ряды солнечных батарей на крышах медленно наклонялись, укладываясь на ночь. Брайс подоспел как раз вовремя, чтобы опередить медицинский катер, пригнанный с материка.

– Убитый – Тобиас Мур. 15 лет. – Брайс впечатал имя в протокол.

За полчаса инспектор сделал тридцать фото трупа, употребил больше двадцати матерных слов, выкурил пять сигарет и заполнил пять листов электронного отчета. Оставалось только найти убийцу. Но это дело плевое, когда все обитатели острова повторяют его имя. «Никуда пацан не денется. Через час отправим его на материк вслед за телом Тобиаса Мура», – спокойно думал Брайс, но ошибся. Поиски затянулись до самого утра, и только на рассвете убийца был наконец пойман.

– Катер ждет у пирса. Мы можем забрать подозреваемого прямо сейчас. Если вы дадите разрешение, доктор Робертс. На время лечения он находится под вашей опекой, – торопил офицер Брайс.

– Позвольте психологу Габи Хельмбауэр поговорить с мальчиком. Это не займет много времени, – попросил доктор Робертс.

– Ладно. Парень напуган, весь дрожит и не может слова сказать, – кивнул офицер Брайс.

Он заложил планшет в широкий карман на поясе и тяжело вздохнул, глядя на часы. Теперь лишних полчаса отделяли его от возвращения домой.

Пока Марк Робертс печатал сообщение доктору Хельмбауэр, Брайс осматривал кабинет. Удивительно нелепо инспектор смотрелся на фоне ослепительно белых стен и светлой дорогой мебели. С влажной от дождя формы на натертый до блеска паркетный пол то и дело падали капли. Из единственного зеркала на офицера Брайса смотрело его усталое лицо: прилипшие ко лбу пряди волос, трехдневная щетина.

Брайс стоял как столб посреди кабинета и с деланным интересом рассматривал интерьер. Грамоты, дипломы, награды и регалии. Казалось, сотрудники Института успели совершить открытий на несколько жизней вперед. Всё, что его окружало с тех пор, как он впервые прибыл на остров, было для него чужим и непонятным. Все, с кем он говорил, были очень заняты «необходимыми человечеству» научными изысканиями.

Дверь кабинета открылась. Габи Хельмбауэр вошла молча, не поднимая глаз ни на Брайса, ни на Робертса. Вместо белого халата на ней был черный кардиган, волосы подвязаны темной лентой.

– Здравствуйте, инспектор Брайс, – тихо сказала доктор Хельмбауэр. – Я попробую успокоить мальчика и помочь ему прийти в себя перед тем, как вы заберете его в участок.

– Я даже настаиваю на этом... – начал Марк Робертс.

– Какая забота, Марк, – враждебно сказала Габи.

– О! А что у тебя на руке? Ссадина? – Марк Робертс смотрел на ее запястье, испачканное запекшейся кровью.

«Ссадина? Это ты мою комнату еще не видел», – зло подумала Габи, но ничего ему не ответила.

Габи за ночь успела сложить свои вещи в чемодан. Аккуратно, педантично соединяла рукава, загибала воротнички. И бесконечно плакала, тихо, без всхлипываний – просто слезы текли по щекам. В раскрытых настежь шкафах – только пустые вешалки, голые полки. Ящики выдвинуты до предела, матрас поднят и сброшен на сторону от кровати. Габи не успокоилась, пока не убедилась, что собрала все до последней бусины. Начало светать. Она устало опустилась на деревянные лаги кровати, забыв, что на них больше нет матраса. Не сильно, но все же ударившись, Габи схватила один из лагов, вырвала его из ленты и швырнула на пол. Потом схватила второй, третий, круша днище кровати, и щепки разлетались по комнате. Она вывернула последнюю доску, вошла в ванную комнату, посмотрела на свое отражение в зеркале и стала с остервенением колотить по нему доской, не замечая сыплющихся на пол осколков. Вместо зеркала перед ней зияла черная задняя панель. Габи обессиленно рухнула на холодный пол.

Утром она надела единственную черную вещь в гардеробе – давно забытый кардиган. Накинула его на темно-синюю блузку. Хотела посмотреть на себя в зеркало, но в ванной его уже не было. Габи не любила траурный цвет и никогда его не носила. Черный не шел ее открытому, пусть и опухшему от слез лицу, россыпи веснушек, синим глазам, наполненным внутренним светом. Пальцы подрагивали – нехорошо. Нельзя было идти к Марку Робертсу в таком состоянии. Пользы от ее присутствия не будет, а вреда и так предостаточно. Габи приложила руку к груди – что там внутри такое тяжелое, твердое, будто камень? Сердце. Она пригладила рыжие волосы, перетянула их темной лентой, несколько раз глубоко вздохнула, закрыла глаза, немного успокоилась и, не утруждаясь ответом на сообщение Робертса, пошла к нему.

Теперь она стояла в его кабинете, готовая швырнуть в него пресс-папье с книжной полки или прирезать его канцелярским ножом. Гнев закипал в Габи, градус повышался с каждой секундой.

– Погоди, ладно? – говорил Марк Робертс. – Я знаю, о чем ты думаешь. Ты не могла предсказать, что на уме у убийцы. Никто не мог.

– Могла! Если бы ты сказал мне правду, Марк. О том, как вы облажались с его лечением. Ничего бы этого не было, если бы ты нашел в себе смелость признать фатальную ошибку. – Она не смотрела на Робертса. Казалось, ее речь была обращена к невидимому пятну на полу.

Брайс подумал, что эта женщина умеет держать себя в руках. Но чутье подсказывало ему, что она находится на грани. Скорее всего, она не спала всю ночь, к тому же они с Марком Робертсом словно продолжали давно начатый разговор, новый старт которого не сулил ничего хорошего.

Сам инспектор не был готов разговаривать с убийцей. Уже много лет он служил в полиции, но до сих пор испытывал сложности в общении с подростками. Институт Карпентера – не психушка, а научные лаборатории, но все, что случилось на острове за последние сутки, сильно смахивало на дурдом. Тем лучше, если сама доктор Хельмбауэр как можно скорее поговорит с парнем.

– Послушайте, у нас мало времени. Нас ждут на материке мои коллеги. Еще пять минут, и ваш разговор с мальчиком не состоится. – Брайс прервал начинающийся конфликт и втайне похвалил себя за осмотрительность.

– Хорошо. – Габи впервые посмотрела ему в глаза.

«Словно в душу заглянула», – содрогнулся инспектор.

Как только дверь за доктором Хельмбауэр захлопнулась, Марк Робертс не спеша встал из-за стола. Покинутое грузным телом вращающееся кресло медленно кружилось. Заложив руки за спину, он мерил шагами комнату. «Этот инспектор все-таки чертовски похож на Моргана Фримена», – некстати подумал Робертс. С ним часто случалось ловить себя на нелепой мысли перед важным разговором.

Брайс понимал, что их беседа затянется, и втайне досадовал, что Робертс даже не предложил ему присесть. Офицер настолько устал, что самовольно выбрал белый кожаный диван у стены, злорадствуя, что на обивке останутся пятна от его мокрой, пропитанной грязью формы. Робертс посмотрел на него холодным взглядом, поднял одну бровь, но так ничего и не сказал. Зато начал свою речь с неожиданным напором.

– Вы понимаете, инспектор, что информация об убийстве Тобиаса не должна покинуть пределы Института Карпентера?

– Что-то я не пойму, вы мне указания даете? – ошетинился Брайс.

– Ну что вы, как можно, – съязвил доктор Робертс.

В стеклах его кибер-очков блеснул свет, но Брайс понял: только что доктор Робертс получил его личный файл.

– Вам осталась пара лет до пенсии. – Робертс снял очки и потер глаза ладонями.

«Близорукий, – подумал инспектор. – У них вечно в глазах рябит после просмотра файлов в кибер-очках».

– Какое это имеет отношение к делу? – насторожился Брайс.

– Может, и никакого, а может, самое прямое. Вряд ли вы понимаете цели и задачи нашего Института... – Марк Робертс начал издали.

– Куда уж мне, – вставил инспектор, рассчитывая подколоть собеседника. Но тот проигнорировал его слова.

– Вы на острове уже не в первый раз, но вряд ли осознаете, в каком уникальном месте находитесь! Здесь, – доктор Робертс благоговейно обвел пухлой рукой с холеными пальцами пространство кабинета, – мы творим чудеса, инспектор. Я не оговорился – вы находитесь в святой святых прогресса, в храме величайшей из богинь современности – Геномики.

До этого момента Брайс считал доктора Робертса добродушным колобком с гнилой начинкой. Теперь же ему показалось, что он имеет дело с помешанным.

– В стенах Института каждый день совершаются открытия, которые изменят мир. Корпус Cas9 – это эксперимент. А во время экспериментов бывает всякое.

«Не зря доктор-мозгоправ так и сказала – Робертс где-то накосячил. С мальчишкой-убийцей явно что-то творится, да и на острове не все чисто. А разгребать опять мне. Похоже, с третьего визита сюда я все-таки вляпался в какое-то дерьмо», – подумал инспектор, но решил промолчать.

– Мы, врачи, как и весь персонал, делаем для наших пациентов все возможное. Благодаря нашим усилиям тысячи, сотни тысяч больных людей в будущем смогут жить полноценной жизнью. Пока, увы, медицина не совершенна. Но мы близки, уж поверьте, как никогда.

– К чему весь этот разговор, доктор Робертс? – не выдержал Брайс.

Его уже ждали в отделе, на почту каждые десять минут приходили сообщения. В том числе и репортерские запросы – как всегда с утра писаки жаждали новостей из полицейского участка.

Словно прочитав его мысли, доктор Робертс приблизился к нему настолько, насколько это было возможно, не нарушив приличия, навис над измученным Брайсом и произнес, отчетливо выделяя каждое слово:

– Мы близки к прорыву, который сделает будущее человечества похожим на сказочный сон. Представьте жизнь без генетических болезней и старости. Представили? Больше я ничего не могу вам сказать. Но вы должны отдавать себе отчет, что многие там, наверху, – он указал

пальцем на потолок, и Брайс инстинктивно поднял глаза вверх, отчего почувствовал себя полным дураком, – очень заинтересованы в нашей работе. Если вы поднимете шумиху в прессе, заявив об убийстве пациента, нас начнут трясти все кому не лень. И требовать ответы на вопросы, которые пока мы не можем дать. И за это вас, инспектор, не погладят по голове. И тем более не дадут повышение. Да вам и поздно уже. Хотите получить свою почетную грамоту и выйти на пенсию через два года – удалите все сообщения от репортеров, которые лежат у вас в почте.

Инспектор подскочил и в ярости приблизил лицо к самому носу надменного докторишки.

– Если еще раз ты, ученая змея, сунешься в мой планшет и личную переписку, я не посмотрю ни на какую пенсию и прополощу твои проделки во всех СМИ, которые согласятся меня выслушать. А таких будет много, поверь. Так что не вздумай мне угрожать, потому что мне терять немного, а тебе – все. И для тебя это совсем неважный расклад, верно?

Робертс отошел от Брайса на пару шагов и уставился на него.

– Аргумент принят. Прошу прощения, что влез в вашу почту. У нас тут свои системы безопасности, знаете ли. Просто не успел остановить считку данных. Ну да ладно, – примирительно сказал он.

– Я не буду говорить с репортерами о смерти Тобиаса Мура, даю слово, – пообещал Брайс. Он и без угроз доктора понимал, чем это может для него обернуться.

– Я знал, что мы найдем общий язык. – Робертс подошел к окну и встал к Брайсу спиной, полагая, что разговор окончен. Но инспектор считал иначе.

– С третьего раза, – напомнил он.

– Да, в последнее время мы с вами часто видимся, – откликнулся Робертс.

Его громоздкая фигура загораживала свет из окна, и в кабинете стало темно и неудобно.

– Довольно часто для людей, которые, по вашим словам, вершат здесь историю. Мне казалось, что в колыбели прогресса умники вроде вас и ваших коллег не должны все время лажать, – сказал Брайс таким тоном, словно это была неделикатная шутка.

– Вы правы, инспектор, – ответил Робертс спокойно. – Но мы имеем дело с людьми, а они бывают непредсказуемы. И глупы, – добавил он, повернувшись к Брайсу вполоборота.

Инспектор остался доволен ответной реакцией доктора. Вот теперь разговор был окончен.

Оставшись один, Марк Робертс остался стоять у окна. Из своего кабинета он видел другой берег Ист-Ривер: проржавевшие доки, бетон и сталь, гиганты портовых кранов – вечно в движении, тяжелые черные крюки раскачиваются из стороны в сторону. У берега сновали люди и машины, перетаскивали, перевозили, спускали на воду или поднимали на сушу. Фуры, разинув черные пасти, ждали свой груз. Проглотив его, плавно двигались с места и пускались в путь навстречу восходящему солнцу. Над Ист-Ривер свистел ветер. В заполненных цистернах, выстроенных в ряд у самой воды на другом берегу, гудело, будто в пчелином улье. Что-то скрипело и ухало, клацало и билось внутри. И Марк Робертс, стоя в своем кабинете на Норт-Бразер-Айленд, смотрел на материк и прислушивался к доносящимся оттуда звукам.

Он посвятил всю свою жизнь Институту Карпендера. Убийство Тобиаса, несовершеннолетнего пациента, привлечет слишком много внимания к Институту, это вопрос времени. Времени, которое он умел ценить очень высоко. Доктор Робертс снял с себя белый халат и в сердцах швырнул его на пол. Потом, хорошенько подумав, поднял его, осмотрел и аккуратно встряхнул. «В конце концов, еще неизвестно, чем закончится вся эта история», – с надеждой подумал он. Марк Робертс умел выкручиваться из самых сложных ситуаций. Может, получится и на этот раз.

Габи Хельмбауэр вышла на улицу, глубоко вдохнула запах воды и деревьев. Дождь все еще моросил. Низкое сентябрьское небо грозило вот-вот обрушиться на голову.

Во многом, что здесь произошло вчера, была ее вина. Тобиас умер на ее руках, не успев даже понять, что случилось. Теперь она шла на встречу к его убийце, чтобы обнять его и хоть немного утешить. Они будут плакать вместе, и не расцепят объятия, пока их насильно не растащат полицейские.

Габи чувствовала, что ноги прирастают к земле, не слушаются. Вот оно, под лиственницей, то место, где она держала тело Тобиаса на руках. А впереди, в сотне метров, доски причала, под которыми нашли его убийцу, съжившегося от ужаса, мокрого и замерзшего. Эти сто метров надо было как-то пройти, пересилив себя, стиснув зубы, зажмурившись. Габи ускорила шаг, маршируя одеревенелыми ногами. Полицейский катер раскачивался на воде, причал обдавало брызгами.

Шурша гравием, она дошла до реки, где скрипучие опоры причала входили в воды Ист-Ривер. Зеленоватая вода пахла тиной, как всегда после бури, когда волны выносили на каменистый берег Норт-Бразер-Айленд водоросли и пустые бутылки.

Время замедлилось, дождь прекратился, ветер стих, деревья перестали биться в неистовом ритуальном танце. Габи стояла напротив худой, раскачивающейся взад и вперед фигурки. Она не сводила с мальчика глаз, пока он не поднял на нее свои. Когда их взгляды встретились, в просвете тяжелых туч показалось холодное утреннее солнце.

Река успокоилась, как успокаивается женщина после бурной истерики, и как ни в чем не бывало погнала свои воды вниз по течению.

Остров встречает гостей

Четыре месяца назад

Тобиас и его отец выехали из Филадельфии в Нью-Йорк на рассвете. Самый край неба наливался розовым, растушевывая голубой и белый. Старый «форд» мистера Мура свернул на узкую дорогу. С одной стороны Тобиас мог дотянуться до отвесных скал, нависших над асфальтом, с другой мог бросить камешек из окна машины, и тот пролетел бы с обрыва пару десятков метров.

– Пристегнулся? – хмуро спросил мистер Мур.

– Да, пап, – весело ответил Тобиас.

Отец в последнее время часто бывал не в духе. С работой не ладилось, он то и дело засиживался до ночи за срочным одноразовым проектом, не сулившим больших денег. Тобиас видел перед собой его растрепанный седой затылок, ловил в зеркале заднего вида взгляд его покрасневших глаз. Но сегодня Тобиасу не хотелось замечать настроение отца – у него было собственное настроение. В груди не болело, очередного дождя не предвиделось, июнь обещал быть теплым, а небо – ясным и приветливым.

– В Институте Карпентера должно быть много подростков. Подружись с кем-нибудь. Если тебе разрешит доктор Робертс, – сказал мистер Мур.

– Ладно, пап. Как думаешь, там вкусно кормят?

– Ты не об этом должен думать, Тобиас. – Отец укоризненно посмотрел на него в зеркало заднего вида.

– Я думаю, доктор Робертс мне поможет, – кивнул Тобиас и постарался придать лицу серьезное выражение.

– И ты должен во всем его слушаться, сынок. Он был самым талантливым на нашем курсе. Только он знает, что с тобой делать.

– А почему ты не работаешь с ним? – зачем-то спросил Тобиас и тут же пожалел об этом. Рука мистера Мура дернулась, лицо скривила горькая усмешка.

– Я не слишком хорош для генетики. И вообще для чего бы то ни было, – ответил мистер Мур.

– Прости, пап. У тебя это, ну, просто временные трудности с работой.

– Нет...

– Что нет? – удивился Тобиас.

– Нет, еда там наверняка отвратительная. Потому что никто не готовит лучше, чем твоя мать, – мистер Мур улыбнулся сыну.

Через несколько часов Тобиас насмотрелся в окно. Он закрыл глаза и представил Институт Карпентера. Стерильные лаборатории, люди в белых халатах – больничка, да и только. Но ему все равно не терпелось увидеть все своими глазами.

– Готовься, почти приехали, – окликнул его мистер Мур и резко повернул влево, чтобы занять парковочное место.

Пока отец доставал из багажника большой тяжелый чемодан, Тобиас выскочил из машины.

Пришвартованный к причалу катер качался на волнах. Они поднялись на борт. На острове посреди Ист-Ривер, в лучах солнца белели корпуса Института Карпентера.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил отец, когда катер почти достиг острова.

– Даже не знаю. Я никогда не разлучался с тобой и мамой так надолго.

– Я о твоём сердце. Не болит?

– Нет, все хорошо. Странно, я подумал ты интересуешься тем, что творится у меня на душе, – пожал плечами Тобиас.

– Это мамина прерогатива. С тех пор, как ты родился, у меня одна забота – твоё здоровье, – ответил мистер Мур. – А я должен был найти место, где тебе помогут.

– В Институте Карпентера много таких, как я? – спросил Тобиас.

– Не таких. Твое заболевание не относится к первостепенным задачам Института. Там изучают другие генетические болезни. Мне пришлось долго упрашивать Робертса, вспомнить нашу совместную учебу, чтобы он принял тебя.

– Я не знал... Спасибо, папа. – Тобиас коснулся руки отца, которая спокойно лежала на перилах катера.

– Надеюсь, все получится. Пока они проводят эксперименты на добровольцах, но министерство здравоохранения уже готово разрешить масштабное применение их методов. Потом на разрешенные процедуры будет уже не пробиться, – сказал мистер Мур, не глядя на сына.

На пирсе Норт-Бразер их ждал полный коренастый мужчина в белом халате. Мистер Мур с трудом стащил чемодан на гравийную дорожку.

– Что вы туда запаковали? – шутливо поинтересовался доктор Робертс.

– Я ведь надолго, – пояснил Тобиас.

– Не знаю, посмотрим. Привет, Гарри. – Робертс приветливо пожал протянутую мистером Муром руку. – Тобиас, нам с твоим отцом есть о чем поболтать. Мы не виделись столько лет. Зайди в холл, там тебя встретят и проводят в твою комнату.

Волоча чемодан, Тобиас поплелся к самому большому корпусу. По пути он оглянулся на отца. Они с доктором Робертсом остановились на полдороги и листали медицинские выписки Тобиаса. Отец кивал головой, словно хотел, чтобы бывший сокурсник, талантливый врач, убедил его в том, что все будет хорошо.

На сестринском посту Тобиас отдал свои телефон и планшет. Вместо них старшая медсестра Бетти выдала ему новый, еще запакованный в коробку планшет и новенькие smartwatch.

– Мне придется сдать все это после выписки? – спросил он, любовно оглядывая глянецовую поверхность коробок.

– Да, придется. Зато сможешь забрать назад свои гаджеты, – ответила Бетти.

– Эти стоят кучу денег. И намного круче моих девайсов, – ответил Тобиас.

– Ничего не поделаешь, таковы правила. Наслаждайся моментом, пользуйся на здоровье. Кстати, о правилах. Выход в Интернет здесь ограничен. Никаких соцсетей и личной почты. Любая связь с внешним миром только с разрешения доктора Робертса. А с родителями можешь говорить по видеосвязи сколько захочешь.

– Вряд ли я стал бы постить свои фото в больничном халате, – проворчал Тобиас.

– Иди, оставь чемодан и переоденься. Обсудим это позже, – ответила Бетти мягко.

Тобиас осмотрелся вокруг. В просторном холле оживленно беседовали между собой несколько подростков. Две девочки, схожие, словно близняшки, подслушивали их разговор из-за огромной кадки с замысловатым деревом. Несколько его стволов перекручивались в тугую косу, на тонких ветвях висели то ли желтые мохнатые лимоны, то ли теннисные мячики. Ничего подобного Тобиас раньше не видел.

– Пошли, провожу, – увидев новенького, одна из пациенток подбежала к нему. – Я Эмма, привет, – весело сказала она. Сияя, она уже тащила Тобиаса по коридору.

– Я Тобиас, – смутился он. Такие красивые девушки, как Эмма, никогда с ним не заговаривали.

– Комната двадцать семь. Здесь жила одна из девочек, но недавно комната освободилась.

– И куда же девочка делась? – спросил Тобиас.

– Никто не знает. Спустилась в процедурную, и ее больше никто не видел.

– Не понимаю... Ты так просто говоришь об этом? – Тобиас резко остановился.

– Потому что она выписалась. Ха! Какой ты легковёрный! Не делай страшные глаза, пожалуйста. Похоже, ты многое навообразал себе по дороге сюда. Ну и правильно. Здесь здорово. А иногда жутко.

Тобиас опять застыл на месте.

– Господи, да сколько тебе лет? – засмеялась Эмма.

– Пятнадцать.

– А мне семнадцать. И я прикалываюсь!

Тобиас подошел к монитору с правой стороны двери и приложил указательный палец.

– Тобиас Мур, – четко произнес он, пока голубая лента сканировала отпечаток.

– Добро пожаловать, Тобиас, – произнес электронный голос. – После регистрации пароля вам будут доступны персональные медицинские назначения, рецепты, график приема лекарств и обследований.

– Хорошо, позже, – отмахнулся он, и они вошли в комнату.

Эмма по-хозяйски села на стул у рабочего стола.

– Ты какой-то бледный, – заметила она.

– Надо отдохнуть немного. – Тобиас сел напротив нее на постель.

– Я к тебе ненадолго. Скоро заедет второй новенький. Бетти сказала, что у него сложный диагноз и тяжелый характер. Подружиться с ним наверняка непросто, но я обязана это сделать, – сказала Эмма.

– Оно тебе надо? – спросил Тобиас, глядя на копну ее белых, будто выжженных солнцем волос.

– Это как спорт, знаешь? Передо мной стоит задача. И чем она труднее, тем интереснее добиваться результата, – ответила Эмма.

– Боюсь, про спорт я ничего не знаю. У меня гипертрофическая кардиомиопатия. Очень большое сердце. Одним забегом меня вполне можно прикончить.

– Не думала, что сюда можно попасть с таким простым для генетиков диагнозом, – удивилась Эмма.

– Отец постарался, – улыбнулся Тобиас.

– Вот почему они с Робертсом сейчас пошли к нему в кабинет. Я уж удивилась. Молодец.

– Может, я занял чье-то место, – неожиданно произнес Тобиас: не стоило говорить такое вслух.

– Занял. Тут и гадать не надо. Но разве ты не заслуживаешь жизни? Или заслуживаешь меньше, чем кто-то другой?

– Думаю, не меньше, – согласился Тобиас, и ему стало немного спокойнее.

– Ты лучше вообще не думай об этом, а читай. Тебе придется проштудировать правила проживания. Поверь, там много важного. Могу зайти за тобой перед завтраком.

– Отлично, – обрадовался Тобиас.

Раньше у него не было друзей. Родители всегда окружали Тобиаса плотным кольцом, как только на горизонте появлялся кто-то, способный вывести его из равновесия. Пара скачков давления или нервный срыв могли стать для него последними. Теперь же он подумал, что побыть вдали от дома – неплохая перспектива.

За окном шуршали деревья: несколько яблонь и одинокая груша. Посреди газона высокими струями бил фонтан. Мраморный сатир в центре фонтана играл на флейте. Его мокрое от воды тело блестело и переливалось. Неожиданно без видимых причин в груди у Тобиаса закололо, кашель подступил к горлу. Он согнулся и уткнулся лицом в колени. «Только не сейчас! Сердце, не останавливайся! У меня, наконец, появился шанс на лечение!» – шептал он, погружаясь в боль и страх.

Артур едва ли слышал мягкий голос медсестры Бетти. Все происходящее то и дело казалось ему сном. Он выплывал из темных вод памяти, шурился от яркого света ламп на потолке в холле корпуса Cas9 и снова, будто глубоководный океанский житель, погружался в свои мысли. За все время поездки из приюта в Нью-Йорке на остров Норт-Бразер, ничто не привлекло его внимания. Умение отключаться от реальности давно превратилось в привычку.

– Артур! Артур, дорогой! – Бетти легко потрясла его за локоть.

Он взглянул на карман розового халата с крупным бейджем и только потом посмотрел ей в глаза.

– Да, мисс Бетти, – мрачно сказал он с таким видом, словно женщина помешала важным размышлениям.

– Посмотри вокруг, Артур. Тебе предстоит надолго здесь обосноваться. Неужели неинтересно?

– Вовсе нет. Больница как больница. За последние годы я видел их множество.

– Это не больница, Артур, а научный институт. Ты же говорил с доктором Робертсом по видеосвязи. Здесь тебе помогут. – Бетти настойчиво вела его по коридору.

В просторной комнате пахло свежим постельным бельем. Артур подошел к деревянному шкафу, распахнул дверцы. Петли скрипнули и затихли, только несколько вешалок продолжали покачиваться.

Бетти прибирала разложенные на подоконнике брошюры и памятки для пациентов.

– Зачем вы их забираете? – спросил Артур, впервые проявив любопытство.

– Все есть в твоём планшете, – ответила Бетти. – Никто из наших деток давно не читает бумажные памятки.

– Там что-то важное? Правила проживания, распорядок...

– Не волнуйся, все очень просто. Чувствуй себя как дома, об остальном я позабочусь сама.

«Как угодно, только не так, как дома», – испуганно подумал Артур и проводил глазами уходящую Бетти.

В спецприюте, куда он попал семь лет назад, он никогда не оставался наедине с собой. Это было нечто недозволенное, опасное. Каждый должен был находиться под присмотром круглые сутки, не важно, врачей или таких же пациентов. Поэтому уединение со своими мыслями было одновременно желанным и пугающим. Однако и здесь, как только тишина обступила Артура со всех сторон, в дверь постучали.

– Я занят, – пробурчал Артур и прошелся по комнате.

– Может, я помогу разобраться с делами и пойдем завтракать? – Высокий женский голос приглушала дверь.

Артур приложил палец к электронному замку. Два любопытных зеленых глаза уставились на него не моргая.

– Чего тебе? – спросил он нетерпеливо.

– Я тебе уже все сказала, – упрямо заявила Эмма и, толкнув его в бок, протиснулась в комнату.

– Я тебя не приглашал, – заметил Артур и указал ей на выход.

– А я не нуждаюсь в приглашении. Зашла на минутку, познакомиться, – ничуть не смутившись, сказала она. – Эмма. Ты Артур, знаю-знаю.

– На том и закончим, – хмуро заявил Артур.

– Как хочешь. Если решишь извиниться за свое поведение, моя комната в конце коридора. Это раз. И завтрак через полчаса, это два. Не хочешь пугать местных урчанием в животе, приходи. Это три. Кстати, до столовой дойдешь по птичьим следам.

– Что? Каким еще следам? – удивился Артур.

– Просто проверила, слушаешь ли ты меня, – пожалала плечами Эмма. – А то вид у тебя рассеянный.

Она проворно выскользнула в приоткрытую дверь. Но Артур едва ли заметил ее отсутствие. Он снова стоял у шкафа. Похожий глубокий платяной гардероб с темным нутром когда-то стоял у него дома. Он часто забирался внутрь во время шизофренических приступов, когда пульсирующая боль во лбу нарастала, в ушах гудело, словно мимо проходил товарный поезд. Артур успевал закрыть за собой дверцы шкафа и затаиться, крепко стиснув зубы. Но всякий раз после приступа он оказывался где угодно, только не в своем укрытии. На полу в комнате среди разбитых игрушек, в ванной под холодным чугунным корытом, на балконе, свесившимся через перила на головокружительной высоте. И все равно он каждый раз прятался в шкафу в надежде обрести хотя бы одну точку опоры в меняющемся мире страхов и миражей.

– Так ты идешь? – Голос Эммы раздался прямо над его ухом, и щеку окатило волной теплого дыхания.

Артур вздрогнул и обернулся. Дверь закрыта, никого нет.

– Иду, – ответил он пустоте и с силой захлопнул дверцы шкафа.

Артур вышел из комнаты и побрел куда глаза глядят. Ему хотелось на воздух. Судя по расписанию, до встречи с доктором Робертсом оставалось еще два дня. Первой была назначена консультация с психологом, и это показалось ему ужасно несправедливым. От мысли, что ему придется снова рассказывать свою историю незнакомому человеку с холодными глазами и равнодушным лицом, становилось тошно.

С десятков пациентов шли в левое крыло корпуса. В воздухе витал запах настоящей домашней еды. Впереди всех к столовой уже спешила Эмма. Чтобы не говорить с ней, Артур резко сменил направление, но до выхода из корпуса дойти не успел. Бетти уже шла ему наперерез.

– Ты не голоден, Артур? – участливо спросила она.

Он помотал головой.

– Ничего. У доктора Хельгбауэр, нашего психолога, как раз образовался перерыв. Она может принять тебя прямо сейчас. А потом ты свободен. Идет?

– Не идет, – отрезал Артур. – Я никуда не пойду и с мозгоправом говорить не буду. Доктор Робертс – единственный, кого я хочу видеть.

Полная низкая фигура Бетти вдруг выросла на десять сантиметров. Она посмотрела на Артура взглядом, от которого у него по спине побежали мурашки.

– Артур, ты, кажется, едва ли понимаешь, где находишься. Здесь тебе не санаторий и не больница.

– И не приют, из которого меня вытащили, – съязвил Артур. Но лицо Бетти не сменило выражения.

– И не приют, в который ты можешь вернуться, если хочешь. Ты приехал в научный институт, где занимаются проблемами генетики. И здесь не ты устанавливаешь правила. Либо ты подчинишься и сделаешь все, что предписано, либо садись на катер и отчаливай восвояси.

Артур ожидал чего-то подобного. Было слишком много желающих попасть в Институт Карпентера, а дело и вправду могло закончиться исключением из программы.

Доктор Робертс долго искал подходящую кандидатуру, пока наконец не нашел Артура. Он был в нужном для исследований возрасте, находился в стадии временной ремиссии, был способен осознанно подписать согласие на лечение, его хорошее физическое здоровье соответствовало целям эксперимента. Ко всему прочему Артур был сиротой. Отсутствие навязчивых

родственников, как ему казалось, для врачей было вполне удобно. Из пяти финальных кандидатов в Нью-Йорке выбрали именно его. В тот день, когда он паковал сумку, чтобы отправиться на Норт-Бразер-Айленд, он вдруг осознал, как ему повезло получить такой шанс. И теперь он не имел права все испортить.

– Ладно, идем, – вяло согласился он и заложил руки в карманы брюк.

– Доктор Хельгбауэр не даст тебе спуска, вот увидишь, – добродушно улыбнулась Бетти.

Они поднялись на лифте на второй этаж. Здесь было сумрачно и тихо, только где-то дальше по коридору постукивал метроном.

«Если долго прислушиваться к стуку метронома, можно сойти с ума», – подумал Артур и сдавленно хихикнул. Ему вдруг показалось ужасно смешным идти по мягкому темно-зеленому ворсу рядом с незнакомым человеком, в кабинет к другому незнакомому человеку, в незнакомом здании на незнакомом острове. Все, что он знал наверняка, осталось в его далеком прошлом, закончилось в тот день, когда его жизнь навсегда изменилась. С тех пор все, что происходило вокруг, было для него лишь сменяющимися друг друга картинками, двухмерными и малоинтересными.

– Доктор Хельгбауэр, я нашла кем занять ваш неожиданный перерыв, – сказала Бетти, подталкивая Артура.

– О! А я как раз решила перекусить, – ответила Габи Хельгбауэр растерянно, заворачивая сэндвич обратно в вощеную бумагу.

– Простите, доктор Хельгбауэр. Я-то думала... – расстроилась Бетти.

– Ничего, Бет. Поем потом. Мне куда интереснее познакомиться с нашим новым пациентом, – засмеялась Габи, и Артур с удивлением заметил, что под белым халатом она носит платье в крупный розовый цветок.

Габи Хельгбауэр не была похожа на психиатров, с которыми ему приходилось иметь дело. Перед ним сидела женщина с мягкой улыбкой и веселым взглядом. В ее легких движениях не было ни скованности, ни желания отстраниться от собеседника. Доктор Хельгбауэр была всем: приветствием, радушием и неподдельным интересом к Артуру.

– Здравствуйте. – Артур и сам удивился, услышав свой дружелюбный голос.

– Привет. – Габи жестом пригласила его сесть напротив.

Через полчаса Артур едва ли мог вспомнить, о чем они говорили. Кажется, о чем угодно, только не о его диагнозе, мыслях, страхах и прочей внутренней мешанине, которую ему было так страшно выносить на обозрение чужим людям. Габи предложила ему чай, от чего Артур потерял дар речи. По кабинету разнесся запах земляники. Артур прикрыл глаза, приносиваясь. Габи смеялась. Артур улыбался. Кажется, за несколько часов в корпусе Cas9 он нашел сразу двух приятных ему людей – Эмму, хотя он и выставил ее за дверь, и доктора Хельгбауэр. Зачем-то Артур сказал доктору Хельгбауэр про Эмму. Когда он назвал имя Эммы, Габи весело ему подмигнула и отпустила шуточку в стиле семнадцатилетней девчонки. Артур давился смехом и ничего не мог с собой поделать.

Но когда он вышел из ее кабинета, пожалел о своей откровенности насчет первых впечатлений. Ему не хотелось, чтобы нечто личное, такое хрупкое, еще не сформированное, покидало пределы его души. Он пообещал себе в следующий раз быть менее разговорчивым.

В коридоре его никто не ждал, Бетти нигде не было. Дверь в кабинет Габи захлопнулась, и от громкого звука Артур подпрыгнул. Страх липкой паутиной окутал его, сердце колотилось.

– Беги как можно скорее, – знакомый до дрожи голос шипел, как серная кислота, пролитая на пол. – Беги и прячься. Я достану тебя, где бы ты ни был.

«Господи, скорее бы все закончилось!» – Артур крепко зажал уши и бросился бежать. Споткнувшись о стык на ковре, он упал и, не успев подставить руки, больно ударился. Из носа пошла кровь. Артур вскочил и метнулся к лифту, нажал на кнопку вызова. Лифт поднимался слишком медленно. Лоб покрылся крупными каплями пота. Артур знал, кого он увидит, если

обернется. Тикающий звук метронома превратился в стук ботинок по плиткам пола. Тик-так, тик-так, шаг-шаг, шаг-шаг. Еще немного, и крепкая рука сожмется на его плече, развернет его лицом к неизбежному.

Лифт пискнул, и двери разъехались в стороны. Артур ввалился внутрь. На стенах не было ни одной кнопки. Испуганный, он метался по кабине в поисках табло. Но вдруг лифт тронулся с места сам по себе. Движение было настолько плавным, что Артур не мог понять, едет он вверх или вниз. Но через пару секунд дверь открылась – перед ним стояла Бетти. По тому, как округлились ее глаза при виде окровавленного носа Артура, он понял – встреча с доктором Робертсом срочно переносится на сегодня.

Тот, кто не родится

На следующее утро Эммы нигде не было видно. Напрасно Тобиас ждал ее за завтраком. Он сидел лицом к двери, чтобы лучше рассмотреть входящих.

– Можно к тебе? – Артур стоял возле него с полным подносом.

После вчерашнего приема у доктора Хельгбауэр Артур наконец поверил, что сможет найти себе на острове если не друга, то хотя бы собеседника. Среди всех пациентов в столовой только Тобиас понравился Артуру с первого взгляда.

– Конечно. Ты, похоже, Артур, – кивнул Тобиас и смачно откусил от третьего бутерброда.

– А ты, похоже, много ешь. Уже час жуешь, не останавливаясь, – сказал Артур.

– Я обжора, – признался Тобиас застенчиво.

– И такой тощий, – недоверчиво посмотрел на него Артур, но решил закрыть тему. – Ждешь Эмму?

– Может, она на процедурах. Или просто не голодна.

– Или с ней что-то случилось. Непоправимое, – с серьезным лицом предположил Артур.

– Какой кош... – начал Тобиас, но веселый смех Артура заставил его замолчать.

– Да ну тебя, – буркнул Тобиас, встряхнул светлыми кудрями и скорчил обиженную гримасу.

Через полчаса они вышли из столовой вместе. Рядом с Тобиасом Артур чувствовал себя удивительно легко. Несмотря на то, что Тобиас был по-детски наивен, за все время он ни разу не задал Артуру неудобного вопроса. Как и доктор Хельгбауэр, он был деликатен от природы, не запуская в душу щупальца любопытства и не настаивая на откровенности. Артур уже понял, что они с Тобиасом могут подружиться.

– Постучимся? – спросил Тобиас, переминаясь с ноги на ногу перед дверью Эммы.

– Не знаю. Вдруг она занята или спит, – засомневался Артур.

Но массивная дверь отъехала в сторону. Встрепанная Эмма стояла на пороге в пижаме и кроссовках.

– Доброе утро, – заметил Тобиас с сарказмом.

Пол в комнате был усыпан разбитым стеклом.

– Знал бы, что ты так психуешь, держался бы от тебя подальше, – буркнул Артур, наступив на осколок.

– Знала бы, что ты дурак, держалась бы от тебя подальше, – парировала Эмма. – Я работала, между прочим. Сегодня воскресенье, свободный от процедур и анализов день.

Громоздкий стол, шириной в полтора метра, не меньше, был выдвинут из угла к окну. Его путь обозначили две глубокие царапины на паркете. На столешницу падал ослепительный солнечный свет. Словно по волшебству, здесь осколки стекла соединились в многоцветное неоконченное панно. Необъятная стальная рама, приготовленная для будущей картины, до поры подпирала стену.

– Витраж. Он будет просто огромным, – гордо сообщила Эмма. Солнечные зайчики металась по полотну.

– На чем он будет держаться? Тут и половины нет, а размах уже полтора на полтора, – заметил Артур.

– Молодец, зачет. Раму будет подпирать стальной каркас. Мне не дают сварочный аппарат, приходится ждать наемного мастера. Он приезжает с материка чинить трубы и привозит сварку. Обещал доделать скелет до среды.

– Смотрю, у тебя все схвачено, – почему-то обрадовался за нее Артур.

Ему нравилась ее работа. Очень нравилась. На огромном холсте искрились простые, но ювелирно обточенные по краям стекла разбитых бутылок. Зеленые, синие, прозрачные. Но

все оттенки в рядах были разными, словно полотно было собрано из осколков бутылей разных лет, даже разных столетий. Внизу темные, свежие, новые. Вверху прозрачные куски стекла, старые, с выбоинами и трещинами, обглоданные океаном, словно леденцы, которые достаешь изо рта и подносишь к свету полюбоваться. Шершавые и гладкие, заостренные и округлые, они строились в ряды так логично, будто на полотне представало само время – от прошлого к настоящему. Время, отраженное в бутылочном стекле.

– Габи Хельгбауэр обещала пристроить мои работы в галерею к своей знакомой. Не так чтобы с ума сойти какая галерея, но для начала просто отлично, – сказала Эмма.

– Твоя мечта, видимо, МОМА, – без тени издевки предположил Тобиас.

– Почему бы и нет, – пожала она плечами. – Я савант, необыкновенно одаренный аутист. Точнее, больше не аутист, конечно. Мой курс лечения почти закончен, а дар остался. Теперь я знаю, что любые чудеса возможны.

– Ты ничего не понимаешь в жизни. Чудес не бывает, и мечты не сбываются, – вдруг помрачнел Артур и вышел из комнаты.

Он и сам не понял, отчего плохое настроение и злость внезапно охватили его. Еще секунду назад он рассматривал работу Эммы, и тут с его языка уже слетают слова, способные ранить нового друга. Артур не мог контролировать подобные выпады. Отчасти это было следствием его болезни, отчасти – привычки отталкивать от себя любого, кто подходил слишком близко. Артур внезапно понял, что больше не хочет никому причинять боль. Он вышел на улицу, прошел вдоль стены, подошел к окну Эммы и постучал в стекло.

– Прости, – сказал он хмуро.

Эмма и Тобиас смотрели на него с улыбкой.

В один из вечеров Эмма поджидала Артура и Тобиаса в коридоре у своей двери. Вид у нее был до того заговорщицкий, что сомнений не оставалось – сегодня им предстоит нечто интересное.

– В Cas9 есть одно удивительное место – «Поле жизни». На минус втором этаже. Но никто из пациентов там не был. Даже я, – прошептала Эмма, затаскивая мальчиков в комнату.

– И судя по твоему шепоту, нам туда нельзя, – прошептал Артур в ответ.

– А почему мы шепчем? Тут нет никого! – сказал Тобиас.

– Потому что вам сказочно повезло: сегодня я свистнула пропуск у вышедшей в отпуск лаборантки. И да, нам туда нельзя, – ответила Эмма.

Повисло напряженное молчание. Только Эмма как ни в чем не бывало натягивала кроссовки.

– А если нас поймают? – спросил Тобиас.

– Ну и что? Скажем – ошиблись этажом, заблудились. Вы новенькие, я провожу экскурсию по корпусу. Всякое бывает.

– Не хочу вылететь из программы из-за этих игр, – хныкнул Тобиас.

– Тогда жди нас тут, – Артур уже застегнул толстовку и в нетерпении поглядывал на дверь.

– Ладно, пошли, – махнула рукой Эмма, и Тобиас нехотя поплелся за ними.

Они вышли в тускло освещенный коридор. После отбоя, как по команде, на первом и втором этажах, где были расположены комнаты пациентов, гасли яркие люминесцентные лампы, уступая место призрачному свету ночников. Вокруг летали крохотные, не больше ногтя, светящиеся синим роботизированные светляки-ионизаторы – воздух потрескивал и пахнул грозой. Проходя мимо, Артур щелчком отправил одного из светляков в стену. Тот отприкошетил от стены и врезался Артуру в лоб, ударив его слабым разрядом тока. Эмма и Тобиас захихикали.

Холл на первом этаже опустел. За стойкой медсестер никого не было, только откуда-то доносился смех и звон чашек.

Они дошли до лифта.

– Какой, ты сказала, этаж? – спросил Тобиас.

– Минус второй. Надо приложить лаборантский пропуск. Без него можно вызвать лифт только на второй этаж, чтобы попасть в кабинеты Робертса и Хельгбауэр. И еще на минус первый – в лаборатории и стационар, – ответила Эмма и приложила пропуск к монитору на стене.

В кабине не было ничего похожего на панель с кнопками или хотя бы зеркала. Изнутри лифт напоминал стальной гладкий блестящий короб.

Двери закрылись, и лифт поехал вниз.

Когда они вышли на минус втором, Эмма растерялась. В три стороны лучами расходились длинные темные коридоры, в конце каждого из которых зеленым светом горела табличка «Выход».

– Куда теперь? – спросил Тобиас. Он жалел, что согласился пойти, вместо этого мог бы сейчас играть в гонки на планшете.

– Не знаю, – призналась Эмма. – Минус первый этаж, где расположен стационар, тоже находится под землей. И он гораздо больше тех, что на поверхности. Возможно, здание спроектировано так, что каждый следующий подземный этаж больше предыдущего. То есть два минусовых этажа намного шире, чем само здание Cas9, которое мы видим над землей.

– Минус второй этаж может быть размером с остров? – спросил Артур.

– Или больше, чем остров... – предположила Эмма.

– Странно все это. Зачем им столько места? Второй этаж – кабинеты Робертса и Хельгбауэр, часть жилых комнат для пациентов. У нас на первом – столовая и жилые комнаты, холл и сестринская, подсобные помещения. На минус первом стационар и лаборатории. А здесь что? Почему целых три коридора?

– В одном из них, я слышала, есть дверь, а за ней то, что они называют «Поле жизни», – ответила Эмма. – Что в других, я не знаю.

– Жуткое название, ей-богу, – поежился Артур.

Они огляделись по сторонам, но вокруг не было ни одного указателя. Оставалось только самим пройти по сумеречным коридорам и заглянуть в окошки всех помещений.

В левом коридоре было всего четыре двери, и пропуск не отпирал ни одну из них. Эмма тщетно прикладывала его к датчикам, но те только пронзительно пищали «Отказано» и снова гасли. Артур, как самый высокий, заглядывал в смотровые окошки, но внутри было темно.

Во втором – среднем – коридоре они услышали крик. За дверью с табличкой «Виварий» вопило какое-то животное – то ли обезьяна, то ли попугай. Его зов о помощи стал пронзительным и жалобным, а потом стих. Все трое остановились как вкопанные, прислушиваясь. По спине Тобиаса пробежали мурашки, Эмма нахмурилась, Артур неодобрительно покачал головой.

– Не хочу знать, что это было, – сказал он. – Точно ничего хорошего.

– Может, оно просто легло спать. Вот и не орет больше, – робко предположил Тобиас.

Но тут же по коридору снова разнесся истошный вопль. Тот, кто кричал, закашлялся, захрипел и затих. Они постояли еще минуту, но больше ничего не услышали.

– Здесь держат подопытных животных, – грустно сказала Эмма. – Пошли отсюда.

– Не нравится думать, какой ценой достается наше выздоровление? – усмехнулся Артур.

– Мы ничего не можем с этим поделать. Какой смысл просто так себя мучить? – отмахнулась Эмма.

– Может, однажды это закончится. Я видел в новостях, что в Китае проводят генетические эксперименты на напечатанных на принтере органах, – сказал Тобиас.

– Думаю, не все так просто. Влияние редактирования на весь организм никак не проследишь на печенке или куске ушной раковины. Эмма права, лучше просто пройти дальше и забыть про все это, – откликнулся Артур.

Дальше они шли в молчании, только Эмма что-то тихо напевала себе под нос. Когда ей становилось тяжело, на ум приходила простенькая мелодия. Каждый раз разная, но обязательно задорная и легкая, и она становилась для Эммы тем успокоительным средством, каким для других становятся молитвы.

Вернувшись почти до лифта, они свернули в последний, третий коридор. Справа была всего одна дверь. Эмма приложила пропуск к датчику, почти не надеясь попасть внутрь. Но на этот раз пропуск сработал. Мигнув зеленым, датчик запищал, и стальная глухая дверь без смотрового окошка отъехала в сторону.

Утопая в полумраке, едва различимые, перед ними на металлических столах выстроились батареи прозрачных емкостей, похожих на большие банки. Жидкость внутри мерцала зеленоватым светом. На потолке со щелчком одна за другой зажглись матовые лампы в затемняющих кожухах.

– Ночная подсветка, – сказал Артур. – Трудно что-то разглядеть.

– Посмотрите, сколько их тут! – ахнул Тобиас.

– Там есть что-то внутри... Подойдем поближе? – предложила Эмма, а сама уже двигалась по направлению к первому ряду.

Они вплотную приблизились к одной из банок. За толстым стеклом плавал скрюченный зародыш. Его круглая голова с просвечивающими сквозь тонкую кожу венами касалась крышки банки. Вместо пуповины от живота висела прозрачная силиконовая трубка. Она тянулась до самой крышки и укладывалась в плотно пригнанный каучуковый разъем, выходила наружу и исчезала под столом. Артур наклонился, чтобы отследить путь трубки вниз. На полу, аккуратно сложенные в органайзеры, лежали десятки таких трубок, воткнутые в большую емкость с красной, похожей на кровь, жидкостью, непрерывно накачивающейся в трубки помпой.

Потрясенные зрелищем, Эмма, Артур и Тобиас шли от стола к столу, всматриваясь в одинаковые стеклянные темницы, внутри которых росли настоящие люди. Некоторые зародыши были еще совсем маленькими, похожими на съезжившихся гусениц с отростками на месте рук. Некоторые – уже хорошо развившимися. Даже в полутьме можно было различить пальцы и бледные ногти, выпирающие кости лопаток, мягкий пушок на головах и округлые профили с задранными носами.

Тобиас постучал пальцем по одной из банок.

– Что ты делаешь! Прекрати! – одернула его Эмма. Ей было не по себе.

– Посмотри! Он шевелится! – громко шепнул Тобиас, глядя во все глаза на зародыш.

Артур тоже постучал по стеклянной стенке. Зародыш опять зашевелился, задрогал ножками, немного выгнув спину, словно отвечая на услышанный им звук.

– Они живые, все до единого, – ужаснулась Эмма. Она почувствовала дурноту. – Как такое может быть? Это что, экспериментальная лаборатория? Они проводят эксперимент на живых детях?

– Это пока не дети, – ляпнул Артур и замолчал, испепеленный негодующим взглядом Эммы.

– Все равно нельзя. Опыты на зародышах запрещены во всем мире, – откликнулся Тобиас, пытаясь разрядить повисшее в воздухе напряжение.

Зародыш в банке, по которой они стучали, успокоился и замер. Артур включил карманный фонарик. Вдоль всего его позвоночника отчетливо виднелись красные точки, некоторые из них окружены синими гематомами. Во всем остальном он был похож на обычного новорожденного из рекламы подгузников.

Некоторые зародыши шевелились: сосали палец, позевывали. Другие спокойно спали. Приглушенный свет не нарушал их сон, и под мерное шипение помп под столами в огромном зале текла своя жизнь. Жизнь, которой, похоже, не суждено было начаться.

– Тогда зачем они здесь? – выдохнула Эмма. – Вот что такое «Поле жизни». Чьей жизни, нашей? Они умрут ради того, чтобы мы могли жить! И про них мы забудем так же, как про животных из вивария? Оставим их здесь, в темноте, и будем запросто лечиться, хвалиться перед Хельгбауэр своими успехами, как ни в чем не бывало лопать салаты в столовой и мечтать о будущем? Мне каждую ночь будут мерещиться эти чертовы склянки. А вам нет?

Эмма медленно опустилась на пол, обхватила колени руками, как делала это до лечения, когда была аутистом, и начала раскачиваться вперед и назад, будто убаюкивала саму себя, и слезы текли по ее щекам.

Артур и Тобиас растерянно молчали. Они смотрели на банки. Живые крохотные человечки, что ждали часа рождения, который не наступит. Один из зародышей смотрел на них невидящими мутными глазами. Он просто среагировал на свет карманного фонарика, который Артур забыл выключить и случайно направил прямо на банку, но Артур и Тобиас вздрогнули и попятнулись.

Тобиас первым пришел в себя, подошел к зародышу.

– Спи, ночь на дворе. – Он заглянул в банку и погладил ее по стеклу. Малыш закрыл глаза.

– Не могу здесь больше. – Артур сжал виски руками, потер глаза, но и за закрытыми веками он видел то же самое.

– Давайте унесем их отсюда, – предложила Эмма, все еще сидя на полу. Ее глаза были безумны, а взгляд устремлен в одну точку.

– Ты с ума сошла! Эмма, очнись! – Артур потряс ее за плечо и поднял с пола.

– Тогда унесем только самых больших детей. Они выживут вне этой склянки? – Эмма опять заплакала. – Спасем хотя бы некоторых!

– Сделай что-нибудь, Тобиас, пожалуйста, – взмолился Артур, не в силах дольше слушать Эмму.

Но Тобиас молчал. Он стоял в другом конце зала и смотрел в круглое, словно иллюминатор, окошко, за которым струились темные воды Ист-Ривер.

– Этот этаж такой большой, потому что частично находится под водой, – произнес Тобиас ровным бесцветным голосом.

Артур посмотрел на него и почувствовал что-то неладное.

Мысли Тобиаса текли так же спокойно, как вода снаружи. Отец учил его оберегать себя от стрессов. Сердце может не выдержать. «Все будет хорошо. Хорошо», – повторял про себя Тобиас как заклинание. «Но... ведь Эмма так плачет!» – Тобиас будто плыл в невесомости, запакованный в глухой скафандр, и слушал только ритмичный стук своего сердца. Он думал: «А что, если Артур был прав, зачем мучиться бесполезными мыслями? Можно просто выйти отсюда и забыть».

И Тобиас медленно пошел к выходу.

Справа от двери было широкое окошко люка с железной заслонкой. Они не заметили его, когда входили. Тобиас машинально бросил взгляд на люк и застыл как вкопанный.

– Что там? На что ты уставился? – взревел Артур, неожиданно взбесившись.

Но Тобиас не отвечал. Артур и Эмма подошли к окошку и встали за спиной у Тобиаса. Надпись на заслонке гласила: «Утилизатор биоматериала».

– Сюда сбрасывают их тела после опытов? – спросил Тобиас, стоя как статуя.

Больше всего Артуру хотелось просто уйти. Он схватил зарывавшую в голос Эмму и поволок к выходу. Поняв, что ее выводят с «Поля жизни», Эмма вцепилась обеими руками в край стола и не разжимала пальцы, хотя Артур тащил ее изо всех сил.

– Спаси! – кричала Эмма. – Надо их забрать. Отпусти меня-я-я!

Мысли в голове Артура путались. То он проклинал себя за этот поход, то пытался придумать, как вынести из этого страшного места хоть одну банку. То его охватывала уверенность, что их сейчас поймают и исключат из программы. Что бы ни происходило у Артура в голове, от этого было мало проку. Эмма выла в голос, стол с зародышами трясся под рывками ее тонких рук, и ждать помощи от Тобиаса было бесполезно. Собственно, почему? Артур резко отпустил Эмму, инерция повлекла ее на пол и, взвизгнув от неожиданности, она упала. Он поискал глазами Тобиаса.

– Да, да. Надо спасти зародыш, раз Эмма так хочет, и все будет хорошо. – Тобиас как загипнотизированный подошел к столу, отцепил питательный шланг от одной из банок и взял ее в руки.

Ребенок внутри дернулся, вытянулся и замер. А Тобиас крепче сжал большую тяжелую банку с отсоединенным от системы жизнеобеспечения ребенком и направился к двери.

Габи Хельмбауэр сделала все возможное и невозможное, чтобы утихомирить доктора Робертса. Вышагивая по кабинету, он то сыпал проклятиями, то порывался исключить всю троицу из программы.

– Ты не можешь лишить детей права на выздоровление! На жизнь! Из-за их глупости и простого любопытства! – атаковала его Габи, посчитав, что лучшая защита – это нападение.

– Ничего себе любопытство! Эмма покачивалась, обхватив руками колени в полной прострации, – как до лечения. Нам еще отката ее болезни не хватало! А Тобиас? Что он-то себе думал?

– Ему всего пятнадцать, Марк. У Тобиаса доброе сердце. Он был напуган и не понимал, что творит. И потом, они решили, что вы проводите опыты над зародышами и выбрасываете их в мусор, – оправдывалась Габи, хотя от мысли, что Тобиас невольно погубил ребенка, ей становилось не по себе.

– Совсем свихнулись... – Марк Робертс устало опустил в кресло. – Как им такое в голову могло прийти?

– В общем-то, могло. Мы ни разу не объясняли пациентам, что именно происходит внизу. Мы рассказываем им только про их лечение. Но генная терапия – не все, чем мы здесь занимаемся. Нужно провести с ними экскурсию по корпусу, и они будут знать, что в банках на «Поле жизни» выращивают детей для анонимного усыновления.

– Что? Какие банки? Это искусственные матки, Габи. Господи, ты же ученый! – ахнул Робертс.

Внезапно лицо его разгладилось и просветлело, губы растянулись в улыбке. Марк хотел сдержать подступающий смех – от доктора наук вроде Габи Хельмбауэр не часто можно услышать подобную «баночную» глупость. Он расхохотался. Габи поймала себя на том, что сама улыбается, но тут же взяла себя в руки. Ситуация непростая. Зародыши считанные, по каждому из них, кто достиг двенадцатинедельного возраста, сдают отчет в министерство здравоохранения. Тобиаса угораздило схватить банку с девочкой, которой было уже тридцать шесть недель, и теперь Марку Робертсу придется как-то замять случившееся. Лучше бы ему как следует сбросить стресс гомерическим хохотом, прежде чем он придумает, как доложить о смерти плода в министерство.

Когда он успокоился, Габи спросила:

– Что ты будешь делать?

– Давай по пунктам. Во-первых, мне придется накатать ложный отчет о причине смерти зародыша. Напишем, что произошло пережатие питательной трубки и к плоду перестал поступать кислород. Тобиас избежит неприятностей. С этим решили. Нерадивая лаборантка, потерявшая пропуск, уже уволена. Второе – это задача для тебя. Все трое переходят под твою ответственность. Эмма должна прийти в себя в течение суток, Тобиас не должен знать, что прикончил девочку, а Артур... С ним вроде все в порядке? Или нет?

– Как сказать, Марк. Когда он узнал, что с этими детьми ничего страшного не случится, то быстро успокоился и вроде бы забыл обо всем. Он только поинтересовался, куда мы денем их потом. Я честно ответила, что их отдают на усыновление и мы больше ничего не знаем об их судьбе.

– Это правильно, Габи. Ты вкратце объяснила Артуру все, что нужно.

– Но я видела собственными глазами: там слишком много зародышей, Марк! Неужели каждый плод создан на заказ? – с сомнением спросила Габи. – Не думала, что у нас такой большой спрос на детей из искусственной матки.

– Ты – психолог, а не маркетолог. Спрос рождает предложение... – Марк Робертс резко закруглил разговор, посмотрел на часы. – Ладно, на этом все. Я рад, что ты стала первой, с кем я поговорил. Ты всегда направляешь мой гнев в нужное русло.

За одну секунду спокойствие Габи как рукой сняло. Волна старых обид захлестнула ее с головой.

– Вечно ты восхищаешься мной: то красотой, то умом, то влиянием. Но это не помешало тебе закончить наши отношения при первом удобном случае. То, что ты мне втираешь, просто пустой звук.

– Это не так, Габи, поверь. Иногда нам приходится выбирать.

– Между любовью и алчностью?

– Между любовью к женщине и любовью к делу всей жизни. Не думай, что я променял бы тебя на что-то меньшее.

Когда Габи закрыла за собой дверь, Марк Робертс уже писал отчет в министерство, как будто только что они не говорили ни о какой потерянной любви.

Габи постучала в комнату Эммы. Та сидела на постели, листая увесистый альбом с восстановленными витражами Нотр-Дам-де-Пари.

– Ты в порядке? Вам ведь объяснили про усыновление? – Габи присела рядом с ней на постель.

На мгновение в памяти Эммы всплыло воспоминание о девочке с исколотым позвоночником, но тут же спряталось в глубинах подсознания.

– Да. Теперь все хорошо. Бетти принесла мне крепкий чай с кусочками апельсиновой цедры, как я люблю. Стало гораздо легче. Но я боюсь за Тобиаса. Мы знаем, что он совершил непоправимое. Пока он еще в шоке, но скоро он все поймет.

– Думаю, мы можем это исправить, – сказала Габи, поморщившись. Ложь была ей противна, но для Тобиаса это был единственный шанс остаться в счастливом неведении. – Мы должны сказать ему, что девочка жива. Вас увели с «Поля жизни» до того, как лаборанты ее осмотрели. Вы с Артуром будете знать, что она скончалась сразу, как только Тобиас ее отключил. Но ему всего пятнадцать, и он наивен, как ребенок. Тобиас сможет поверить, что ее реанимировали. У него хрупкое сердце, которое не выдержит правду.

– Я поговорю с Артуром, он подтвердит ваши слова, – кивнула Эмма. Габи вздохнула с облегчением.

Несмотря на уверения в том, что с девочкой все в порядке, через пару дней Тобиас все же попросил отвести его на «Поле жизни», чтобы самому в этом убедиться. Габи предвидела подобное.

– Мы не можем снова туда пойти, Тобиас. Теперь посторонним вход на «Поле жизни» заказан. Но IT-отдел даст тебе доступ к онлайн-камере. На десять минут. Посмотришь на нее в планшете. Единственный раз, договорились?

– Отлично, буду ждать! – обрадовался Тобиас и вновь стал таким, как прежде, – счастливым и беззаботным.

Вечером они включили планшет. Габи стояла за спиной Тобиаса, приобняв его за плечи.

– Вот это она или не она? – спросил Тобиас, указывая на третью в ряду банку.

– Нет, четвертая, а не третья. – Габи увеличила изображение, чтобы Тобиасу был виден номер, пол и возраст на бирке.

– Точно, она, – обрадовался Тобиас и оглянулся на Габи. Та посмотрела на него в ответ, пытаясь выдержать взгляд глаза в глаза. Но Тобиас снова отвернулся и уставился на изображение.

Сердце у Габи упало: в нескольких кадрах она забыла затереть дату, та промелькнула всего на секунду в нижнем углу экрана. Она почувствовала, как плечо Тобиаса дернулось под ее рукой.

– Доктор Хельгбауэр, – сказал он, но ничего в его голосе не обнаружило волнения. – Я мысленно пожелал девочке всего самого лучшего и попросил прощения. Ей пора спать. И мне тоже, – он сладко потянулся и зевнул.

– На том и закончим, – сказала Габи, внимательно глядя на Тобиаса. Рассеянно улыбаясь, он встряхивал одеяло и взбивал подушку.

«Наша психика полна тайн», – размышляла Габи, идя по коридору. Вокруг, сверкая крыльями, кружились ночники-ионизаторы. Из комнат доносились едва слышные голоса, корпус казался сонным. – «Как часто мы игнорируем очевидное, временно слепнем, лишь бы защитить себя от того, что не в силах принять. Дело не только в Тобиасе. Каждый из нас расставляет вокруг себя нечто вроде фильтров, и они ограждают нас от реальности: боли, разочарования и чувства вины».

Она уже дошла до корпуса для персонала, обернулась на Cas9. В окне кабинета Робертса еще горел свет. Набежавший порыв ветра преклонил жесткие травы, но те, не желая сдаваться, тут же распрямились во весь рост.

«Разве мы заслужили такое милосердие? Милосердие забвения? Мы должны искупать вину за содеянное, не таясь и не прячась, страдая и омывая ее слезами. Но Тобиас спокойно ложится спать, а Марк... Если его и мучает бессонница, то не из-за нашей разрушенной любви. Этого он тоже предпочитает не замечать».

Чудеса генетики

– Завтра мы с вами поедем в город. – Габи Хельгбауэр стояла посреди столовой.

Под одобрительные аплодисменты она продолжила:

– Со мной могут поехать все желающие. Кроме тех ребят, которые лежат сейчас в стационаре после редактирования. Остальных прошу вписать свои имена в экскурсионный список. Сбор после завтрака – в десять утра, с рюкзаками. Катер уже заказан. Вернемся к ужину, обещаю.

Столовая гудела как пчелиный улей.

– С чего вдруг она решила нас развлечь? – спросил Тобиас у Эммы.

– Габи время от времени возит нас развлекаться. Для тех, кто задерживается здесь надолго, это как глоток свежего воздуха.

– В конце концов, не век же нам сидеть в четырех стенах, – пробурчал Артур, накалывая кусок мяса на вилку.

– Я бы с удовольствием ходил в кино, – мечтательно произнес Тобиас.

– С кем-нибудь на последний ряд? – усмехнулся Артур.

Тобиас уткнулся в свою тарелку. Эмма неодобрительно посмотрела на Артура.

– Так уже никто не делает, – заметила она, поспешно набивая в рот тыквенное пюре.

– Куда-то спешишь? – спросил Артур.

– Подальше от тебя. Не люблю, когда ты не в духе, – она встала. – Пойду к себе, поработаю. Я заказала в магазине для художников разноцветные нити и лески.

Проглотив остатки пюре, Эмма быстрым шагом направилась к выходу.

За стеклянной стеной столовой, обещая теплый июньский день, заманчиво светило солнце. Бетти натягивала в саду тент. Плотная многоцветная ткань, растянутая между ветвями фруктовых деревьев, трепыхалась на ветру, словно гигантское крыло бабочки.

– Что будем делать? – Тобиас дожеввал последний кусок.

– Ничего не хочу сегодня, – ответил Артур.

– Что с тобой такое?

– Я родился и вырос в Нью-Йорке. Все плохое случилось со мной там. На острове мне лучше. Завтрашняя поездка меня совсем не радует.

– Тогда пойдем ко мне. У меня пятьдесят машин для гонок. Выйдем в онлайн, проедем пару кругов.

Артур вздохнул, но ничего не сказал. Что точно никогда его не привлекало, так это гонки, машины и все, что с ними связано. Но больше заняться было нечем.

На следующий день катер на двадцать пассажирских мест ждал их у причала. Перекинутый к опорам мостка трос скрипел и натягивался. По траве ползли длинные человеческие тени, вдоль клумб с цветами работали поливальные машины.

Эмма стояла в очереди на посадку. Она взглянула на свое отражение в стекле иллюминатора. Лицо ее слегка вытянулось, нос удлинился, глаза разъехались в стороны. Ненамного, но этого хватило, чтобы превратить ее красивое лицо в подобие рожицы гоблина.

– Поднимайся, надо найти свободные места, – окликнул ее Тобиас.

Доктор Хельгбауэр стояла на палубе, пересчитывая пациентов. Артур, проскочив внутрь одним из первых, лег сразу на три места у единственного столика. Проходивший мимо крупный парень угрожающе навис над Артуром.

– Самый умный, что ли? – задал он риторический вопрос.

– Да фиг с ним, Стиг, – нахмурился его дружок и увел задиру подальше.

Артур уступил Эмме место у окна.

– Что это за парочка? – Артур кивнул в сторону Стига и его приятеля. – Один лезет на рожон, второй его укрощает, как ковбой буйного рысака.

– Стиг Нельсон и его лучший друг Эдгар Дюпье. Они везде ходят вместе. Эдгар почти пролечился. Осталась пара процедур. А Стиг здесь давно, но лечение никак не начнут. Если Стиг к тебе прикопается, лучше не обращай внимания. От него одни проблемы, – объяснила Эмма.

– Понял. Сразу в морду, и дело с концом, – пообещал Артур.

Эмма картинно закатила глаза и улыбнулась. Тобиас не обращал на их разговор внимания – он никак не мог втолкнуть рюкзак под лавку и изливал раздражение на все вокруг.

Берег поплыл вправо, конец троса ударился о борт с глухим стуком, и катер отчалил, разгоняя воду и воздух.

За пять минут до прибытия всем на smartwatch пришло одно и то же сообщение. «Активируйте GPS-датчики и синхронизируйте часы с моими. Имя GabyHelg».

– Теперь она знает, где каждый из нас находится, – задумался Артур.

– Конечно, знает. Так мы не потеряемся, – кивнула Эмма.

– А что? Ты хочешь сбежать? – пошутил Тобиас, но, посмотрев на Артура, удивленно округлил глаза.

– Какой догадливый, – усмехнулся Артур.

– Ты с ума сошел? – спросила Эмма.

– Мне нужно домой... – Артур почесал лоб.

– Значит, так: фиг тебе, – отрезала Эмма.

– Попробуй меня остановить, – заупрямился Артур. – С тех пор как меня упекли в приют, я ни разу не был в той квартире, где... ну, где все произошло. Я многого не помню, картины плывут в сознании, как жуткие тени. Я должен попасть домой, чтобы, как говорит Габи, заглянуть в омут памяти и узнать, что было на самом деле. Может, тогда приступы галлюцинаций прекратятся.

– Если бы это могло помочь, Габи давно свозила бы тебя сама, – твердо сказала Эмма.

– Да ладно, Эмма. Артуру это важно. Может, у нас есть шанс помочь ему прямо сейчас. Лучше скажи, куда надо ехать и какой у тебя план, – попросил Тобиас.

– Как улизнуть, придумаем по ходу дела. Я перенастрою часы, и Хельмбауэр не увидит нашей реальной локации. Ей будет казаться, что мы сидим где-то в парке, – сказал Артур.

Катер тормозил, и мир за окном замедлялся. Небоскребы из бетона и стекла нависали над городом, их шпили прокалывали низкие облака. По небу метались почтовые дроны, дроны доставки пиццы и прочая роботизированная мелочь. Они влетали в распахнутые окна и исчезали в прохладной тьме квартир и офисов.

Расталкивая других пациентов, Тобиас поскорее сошел на берег. Его глаза блестели, на щеках играл румянец. Его манило предвкушение. Вот он – живой город, вечно в движении. Весь в артериях дорог, перекачивающих автомобили и автобусы, в набухших волдырях полусфер, под которыми прячутся парки с огромными деревьями и прудами, и едва слышным жужжанием кислородных систем, подающих внутрь очищенный от тяжелых примесей воздух.

В «инкубаторах природы» так легко дышится. Врачи говорили: для здоровья его сердца необходим свежий воздух. Поэтому дома, в Филадельфии, мать проводила с ним в таких парках по несколько часов в день. Они покупали мороженое и смотрели на подтянутых мужчин и женщин, совершающих пробежку под любимые плейлисты. У тех были кардиомониторы на предплечье. У Тобиаса тоже. Тут он чувствовал себя своим. С той лишь разницей, что бегуны изнурились спортом, а он – черничным мороженым.

– Мисс Хельгбауэр! – начал Тобиас. – Может, мы с вами заглянем в парк?

– Боюсь, нет, Тобиас, у нас на сегодня другие планы, – Габи перекинула через плечо холщовую сумку цвета хаки, подобранную под цвет кроссовок.

Вне Норт-Бразер-Айленд она одевалась как девчонка. Платья с широким подолом сменялись на джинсы, локоны – на высокий пучок.

– У вас будет свободное время. Я распределяю вас на группы, и два часа ходите, где хотите.

– Два часа? – Артур и Эмма нагнали их. Артур нетерпеливо дергал ремешок наручных часов.

– А что мы будем делать до этого? – не утерпела Эмма.

– Сейчас увидите, – ответила Габи, открывая двери входа на парковку.

На залитой солнцем стоянке их ждал автобус.

Поездка заняла не больше двадцати минут. Прильнув к окну, Артур не отрываясь смотрел на знакомые улицы, аптеку, где часто брал заказанные для отца лекарства. На бар: у черного входа они с матерью когда-то нашли его отца. Тот едва ли понимал, кто он и где находится, и мать тащила его на себе до самого дома. Артур был еще мал и старался помочь, чем мог, – придерживал отца то за одну, то за другую волокущуюся по асфальту ногу. Тот не был пьян, вовсе нет, иначе все было бы слишком просто.

Автобус свернул на широкую улицу, и тут Артур понял, куда они едут.

– Музей естественной истории? – воскликнул он.

– Точно так! – обрадовалась Габи. – И поскольку вы уже все в курсе дела, прошу на выход.

Автобус затормозил у тротуара. Они прошли под высокими сводами музея, между бледными мраморными колоннами. Внутри было прохладно, запах чистящего средства для пола смешивался с ароматом ванили – в кафе музея готовили пышную выпечку.

Габи остановилась посередине зала и жестом попросила внимания.

– Сегодня я впервые привезла вас в Музей естественной истории. Мое упущение, простите. Тем, кто уже проходит лечение в Институте Карпентера, будет полезно еще раз осмыслить методы, которые к вам применяют. А новеньким тем более важно понять, в какую уникальную программу генного редактирования вы попали. Начнем сразу с зала, представляющего генетическую тематику. Его окончательно укомплектовали еще в прошлом году при деятельном участии доктора Робертса. Все за мной!

Они прошли через первый зал не останавливаясь. Скелет динозавра с широко раскрытой пастью и дистрофичными передними лапами мог внушить ужас разве что малышам. Неандертальцы тоже не были удостоены внимания. Впереди их ждали лифты.

– Поднимаемся сразу на третий этаж. Прошу нигде не задерживаться, – скомандовала Габи и нырнула в лифт.

За ней последовали десять человек. Оставшиеся десять погрузились во вторую кабину. Просторные стеклянные капсулы с круговым обзором бесшумно двигались вверх. «Третий этаж. Залы восемь А, восемь Б. Двадцать первый век. Эволюция», – донеслось из динамика.

Стены просторного помещения были обшиты серебристыми листами. Эмма посмотрела вверх: с потолка свисали длинные синие и красные плотные канаты, переплетенные между собой наподобие цепочек ДНК. В некоторых из них не хватало целых кусков, где-то красные участки заменили на черные. По всему периметру зала стояли стенды. Под стеклом ближайшего из них был выставлен 3D-принтер, печатающий сетчатку глаза. Белая лабораторная мышь, застывшая на соседнем стенде с поднятой вверх лапой, недобро сверкала красными остекленевшими глазками. В ее скальпированный череп с открытым мозгом вели тонкие проводки электродов.

– Прошу тишины, – громко сказала Габи. – Сегодня мы узнаем, какие чудеса творит с вами доктор Робертс и его команда. И никто не объяснит вам суть работы проекта Cas9 лучше, чем он сам.

Габи подошла к панели управления, прокрутила меню. Все расселись прямо на полу, вокруг невысокого постамента. Габи нажала кнопку вызова, и доктор Робертс в своем кабинете принял видеозвонок – его 3D-голограмма встала на постаменте во весь рост.

– Всем добрый день! – весело сказал он и присмотрелся к сидящим в зале. – Чтобы не отнимать у вас драгоценное время, которое вы потратите на знакомство с экспонатами, я сразу перейду к делу. Не стесняйтесь задавать вопросы.

Примостившаяся за группой детей, Габи разглядывала мягкие округлые черты лица Марка Робертса. Она мысленно провела пальцем по его лбу, отбрасывая темную прядь редких волос, дотронулась до губ. Но тут же одернула себя.

– Наверняка многие из вас знают предысторию проекта Cas9, но все же я сделаю краткий экскурс. В середине 20-х годов двадцать первого века ученые-генетики совершили прорыв в борьбе с такими смертельными генетическими болезнями, как мышечная дистрофия Дюшенна и муковисцидоз, поражающий органы дыхания и пищеварительный тракт. Основные методики были разработаны мной, директором Института Карпендера, и доктором Ежи Ратаковски, нашим главным генетиком. И до сих пор большинство открытий в нашей отрасли совершает именно доктор Ратаковски, работая, как говорится, в полях – в лаборатории Cas9 на минус первом этаже. Вам трудно поверить, но еще двадцать лет назад подобные заболевания были смертным приговором для жителей нашей планеты. В те годы многие ученые приходили в генную инженерию, пережив утрату близких людей. Это было мощной мотивацией, и мы вместе работали круглосуточно во имя прорыва. Мы знали, что счет идет на человеческие жизни. – Доктор Робертс вздохнул.

Габи неосознанно повторила его вздох. Память милосердна, она упаковывает и прячет в дальние уголки сознания трудные воспоминания. Но сейчас Габи неосторожно извлекла один из свертков из укромного хранилища и пожалела об этом. Перед ней снова стоял Марк Робертс пять лет и килограммов назад.

– Не уходи, останься. Уже стемнело...

– Не могу, любовь моя. Звонила сиделка – моей жене совсем плохо. Она уходит.

Габи подумала, что жена Марка Робертса, несмотря на обширные метастазы, слишком давно уходит и все никак не уйдет, и за эту отвратительную мысль жестоко себя укорила.

– Оставишь меня сейчас – можешь не возвращаться.

– Не горячись. Я переночую дома, только и всего. Разве можно так поступать с ней теперь, когда конец так близок?

– Я слушаю твои отговорки четыре года. Четыре чертовых года ты убегаешь домой с работы, отменяешь наши свидания. Мы никуда не ходим вместе потому, что нас могут увидеть!

– А ты как думала? – Его взгляд стал холодным и чужим. – Я устал разрываться между тобой и семьей. Честно, ты не проявляешь ни терпения, ни понимания. Я рассчитывал на другое, Габи.

– Выметайся, Марк. Обещаю, больше тебе не придется разрываться между нею и мной.

– Ну-ну, не заводись понапрасну. Увидимся завтра на работе, и все будет как прежде.

Но как прежде уже не было. Габи была упряма и выполняла свои обещания.

Она с трудом вернулась в реальность. Доктор Робертс – точнее его голограмма – все еще смотрел на нее, постаревший и немного усталый.

Тобиас смущенно поднял руку. На него уставились девятнадцать пар глаз.

– Если все так просто и эти методы применяются давно и успешно, почему все мы в Институте Карпентера участвуем в эксперименте? – Тобиас замолчал.

Девятнадцать пар глаз повернулись к голограмме доктора Робертса.

– Отличный вопрос, Тобиас. Вернемся в прошлое. Двадцать лет назад, в начале исследований на мышах с генетическими заболеваниями, изменения в одной части генов приводили к неконтролируемым мутациям в других частях цепочки. Например, мышь, излеченная от наследственного метаболического расстройства, через пару месяцев буквально сгорала от мутации, которая приводит к анемии. Или от чего-нибудь еще – предсказать было невозможно. Но с годами мы нашли методы лечения практически без побочных эффектов. Теперь дело за вашими генетическими хворями.

– С нами будет то же, что с мышами? Я не хочу за пару недель «сгореть» от болезни, которой у меня не было до лечения у вас, – возмутилась девочка, которую привезли на остров пару недель назад.

– Я же сказал – на мышах. В наших исследованиях есть два этапа. Первый – опыты на животных. Беднягам достается самая опасная и тяжелая часть процесса. Когда методика лечения уже оформлена достаточно, чтобы не причинять вреда подопытному, министерство здравоохранения дает «добро», и для экспериментов набирают добровольцев. То есть вас. На словах суть работы с генетическими ножницами проста. Многие заболевания, ваши в том числе, вызваны повреждениями генетической цепочки. Доктор Ежи Ратаковски разрабатывает для вас схему лечения: он и его помощники удаляют поврежденную часть ДНК и заменяют ее новой, здоровой. Либо редактируют ту, что есть, если такое возможно. Можете быть уверены – вероятность выздоровления близка к ста процентам. Когда пациент поправляется, Минздрав разрешает широкое применение метода лечения этой генетической болезни во всех больницах страны.

– Я мог бы дождаться разрешения и пойти в обычную больницу. Зато знал бы заранее, что метод безопасен, – проворчал красивый мальчик с темно-оливковой кожей, орлиным носом и волосами цвета воронова крыла.

– Боюсь, все не так просто, Камал. Нужно понимать, что подготовка персонала обычной больницы, приготовление вакцины и прочие рабочие моменты в широкой практике лечения могут занять годы. А очереди из желающих – десятки лет. Поэтому ваши родители боролись за ваше участие в экспериментальной программе. Риски минимальны, а следующего шанса на излечение многие из вас не дождутся. Есть еще вопросы?

Никто не проронил ни слова.

– Отлично! Тогда к экспонатам! Вокруг вас на стендах выставлены 3D-модели напечатанных органов. Каждый образец дан в двух ипостасях – до и после лечения методом CRISPR/Cas9. Вы видите десятую часть возможностей современной геномной инженерии. Но и ее должно хватить, чтобы вы поняли: если вы в программе Cas9, значит, ваша болезнь излечима. Мы живем в эпоху великих достижений и получаем шанс прожить еще много счастливых лет. Это Дар, равного которому медицина еще не знала. В общем-то, все. Надеюсь, я ответил на ваши вопросы. Спасибо за внимание! Увидимся на острове.

– Спасибо, доктор Робертс, – ответили все хором, и Робертс нажал отбой.

Дети разошлись по залу, рассматривая электронные табло под стендами.

– Под каждым образцом вы найдете информацию о дате и месте процедуры генетического редактирования, фото пациента, его историю и небольшое интервью. Пользуйтесь электронным меню. – Габи перекинула сумку через плечо и подошла к двери. – Буду ждать вас на выходе.

Для Тобиаса этот зал был особенным. Много раз он видел все представленные здесь экспонаты. Он часто приходил сюда, когда приезжал в Нью-Йорк на лечение вместе с отцом. Тобиас закрывал глаза, глубоко вдыхал и медленно выдыхал воздух, умиряя пустившееся вскачь сердце. Оно то неслось галопом, то тормозило, точно болид с проколотой шиной на трассе, но для Тобиаса это была победа, шанс прийти сюда еще раз, в зал, посвященный проекту Cas9. Рука Тобиаса немела, он не чувствовал пальцев. Отец с нажимом растирал его кисть, пока чувствительность не возвращалась вместе с легким покалыванием, и они неспешно подходили к единственно важному для них образцу.

Сейчас Тобиас стоял у того же стенда. В этот раз подготовка к лечению уже началась, и он чувствовал себя значительно лучше. Многие препараты, которых он не мог себе позволить дома, были доступны в Институте Карпендера. Доктор Робертс сделал все возможное, чтобы с первых дней Тобиас получал эффективную временную помощь.

– Оно настоящее? – спросила его Эмма, взглядываясь в бордовое, пульсирующее, обвитое пластиковыми трубками сердце.

– Настоящее, живое, напечатанное, – сказал Тобиас. Он прижался носом к стеклу, дохнул на него и вывел пальцем сердечко. – Слышишь равномерный стук? Тук-тук, тук-тук. Так стучат колеса поезда. А ты сидишь с закрытыми глазами, и стук проходит через тебя насквозь. Никто, кроме моих родителей, не верил, что я проживу так долго. Отец нашел доктора Робертса в соцсетях в группе их выпуска и договорился устроить меня в программу.

– Моей матери это стоило внушительной суммы, – усмехнулась Эмма. – Видел бы ты ее лицо, когда она подтверждала перевод на счет Института со своего банковского депозита. Но она все равно была рада сплавить меня на остров. Теперь она всем рассказывает, что устроила меня в экспериментальную программу, чтобы я быстрее вернулась к нормальной жизни. По ее словам, цель оправдывает риски. На самом деле она просто хотела побыстрее подогнать меня под свои «нормальные мерки» и на риски плевать хотела. Слава Богу, все обошлось.

Тобиас посмотрел на нее и ободряюще кивнул. Он чувствовал: только что Эмма выдала ему затаенную и очень личную обиду, но, судя по ее лицу, продолжать ей не хотелось. И Тобиас снова заговорил о себе.

– То, что лежит под этим стеклом, много для меня значит. Я смогу впервые в жизни сыграть в футбол, пойти на пробежку со своей собакой! Сначала заведу, наконец, собаку. Запишусь в бассейн, заберусь на Эверест. Да, черт возьми, почему бы не на Эверест? Я готов на что угодно, лишь бы... Для меня это важно.

– Важно для всех нас, не забывай. Мы все каждый день благодарим науку за шанс нормально жить дальше, – заметила Эмма.

В нескольких метрах от них Артур рассматривал фотографию восьмилетнего мальчика, позирующего на фоне уходящего в облака закрученного спиралью шпиля. «Ли Луань у телебашни Гуанчжоу. Гуанчжоу, 2039 г.» Эмма и Тобиас подошли к нему.

– Кто это? – спросила Эмма.

На одной половине стенда на мягкой ткани лежал напечатанный на принтере крупный кусок кожи. Роботизированная рука то и дело проводила по нему стальным пальцем, отчего на коже набухали и лопались волдыри, образуя кровавые раны.

– Какой ужас, – вздохнула Эмма.

– Буллезный эпидермолиз. Любое прикосновение к телу вызывает что-то вроде ожога. Это страшно. Не хочу смотреть. – Тобиас взял Эмму за локоть и отвел подальше от стенда.

Артур остался стоять у электронного табло с описанием экспоната. Он смотрел на фото пациента. Мальчик Ли Луань казался ему смутно знакомым. Или он что-то перепутал, как это часто бывало с ним. Лица в памяти смешивались, люди перенимали черты друг друга, становясь совсем не теми, кого он знал. Артур зажмурился: лицо мальчика с фотографии поплыло, сузилось, на черепе совсем не осталось волос, руки побледнели и вытянулись, пальцы стали узловатыми, как у лемура, с синими болезненными ногтями. Теперь перед его мысленным взором стоял наполовину монстр, наполовину Ли Луань. «Хочешь избавиться от меня? Не выйдет!» – зло прошипели кроваво-красные губы и расплылись в хищном оскале остро заточенных зубов.

– Ты в порядке? – раздался как будто издалека голос Эммы.

Артур вынырнул из пучины галлюцинации и отчаянно вдохнул воздух, словно до этого был в вакууме.

– Да, все норм, – мрачно ответил он.

Эмма сжала его руку в своей, Артур вздрогнул от неожиданности, и ее пальцы тут же разжались.

– Смотрите, Джана у микроскопа. – Тобиас направился напрямик к смуглой девушке с черными блестящими волосами.

Он встал за ее спиной, смущенно оглядываясь на Эмму. Та одобритительно махнула рукой и скрестила указательный и средний палец, пожелав Тобиасу удачи. Тобиас что-то тихо сказал Джане, и та, просияв, предложила ему заглянуть в окуляры микроскопа. Что бы там ни увидел Тобиас, его уши и щеки горели.

– У нас осталось не так много времени. Пошли вон туда. – Эмма повлекла Артура в другой конец зала.

Вокруг стенда стояло человек пять.

– Это про аутизм и савантизм. Мой случай, – сказала Эмма тихо, чтобы ее не услышали другие.

Артуру иногда казалось, что она стеснялась своей болезни. Эмма словно охраняла свой диагноз от чужих глаз.

«...дефицит социального общения и взаимодействия. Проявляется в возрасте до трех лет. К середине тридцатых годов двадцать первого века количество пациентов с диагностированным синдромом Каннера и синдромом Аспергера достигло 1/200. Поколение детей, рожденных в этот период, получило распространенное в СМИ и социальном лексиконе название GenAut, что сначала расшифровывалось как Generation Autistic», – прочитал Артур.

– Я не против, что ты немного не от мира сего, – вдруг сказал он и испугался: Эмма могла не понять его и обидеться.

– Ты тоже немного того, – кивнула она и рассмеялась. – А вместе мы просто улет!

Артур впервые посмотрел на Эмму так, как ни на кого раньше не смотрел. Что-то в груди затрепетало, и секунды хватило, чтобы перевернуть в нем все вверх дном.

Под стеклом лежал единственный экспонат – серо-розовый мозг, испещренный витиеватыми, словно реки Амазонии, бороздами извилин.

– Привет, Камал. – Обернувшись, Эмма улыбнулась темноволосому мальчику, который задавал вопрос доктору Робертсу. – Это Артур. Там у стенда Тобиас. Новенькие, мои друзья.

– Привет, – ответил Камал. Он внимательно смотрел в сторону Тобиаса и Джаны.

– Твое лечение уже началось? – спросила Эмма участливо.

– Еще нет. Доктор Ратаковски пока не создал для меня вакцину. Говорят, надо ждать, – ответил он, протягивая руку Артуру. – Будем знакомы.

В зале стоял гул голосов. Звуки рассеивались под высокими сводами потолка, от чего казалось, что это гудит пчелиный рой.

Они втроем обошли стенд кругом.

– Так что там было про этот мозг? – спросил Артур.

Изнутри стенда к задней части мозга тянулась питательная трубка с мутной жидкостью, и с легким щелчком под небольшим давлением закачивалась внутрь.

– Мозг пациента с аутизмом. Правда, я так и не понял, что должен здесь увидеть, – ответил Камал.

– Ничего. Пока не нажмешь вот сюда. – Тобиас и Джана тоже подошли к стенду.

Тобиас нажал на кнопку, и фронтальное стекло стенда превратилось в монитор. Внутри короба раздался грохот миниатюрного аппарата МРТ, и проекция мозга на стекле окрасилась синими и желтыми мигающими пятнами.

– Я проходила эти исследования в аппарате МРТ. У аутистов при любом движении активируются не совсем те участки мозга, что у здоровых людей. Вот они, желтые, соседние. А у здоровых – синие.

Жужжание и грохот внутри стенда прекратились. На стекле появилась надпись: «После применения CRISPR/Cas9». Внутри короба снова загрохотало, и подсвеченные желтым участки мозга на томограмме задвигались, приближаясь и в итоге сливаясь с синими участками мозга здорового человека.

Эмма заоплодировала. Увиденное еще раз уверило ее в мысли, что теперь она полностью здорова.

– Окей, народ, пора завязывать, – сказал Камал, глядя на свои smartwatch. – Доктор Хельгбауэр ждет нас снаружи.

Тобиас задержался на секунду, снова посмотрел на алое, упругое сердце под стеклом. «Пока, скоро увидимся». Он мысленно помахал ему рукой и вышел.

В холле их уже встречала Габи.

– У вас есть свободные два часа. Потом встречаемся у автобусной остановки на парковке за музеем. Прошу всех отметить эту точку в навигаторах на часах. Разобьемся на четыре группы по пять человек. Старшие отвечают за младших...

– Нам надо пойти вместе, – взволнованно прошептал Артур Эмме.

– Да помню я! Но нас будет пятеро, – уточнила Эмма.

– Нет! Не хочу посвящать едва знакомых людей в свои дела! – воскликнул Артур.

– Не голоси, что-нибудь придумаем. Должно быть пятеро. Хочешь поспорить с Хельгбауэр?

– Ты права. Но к себе домой я их не пущу, – буркнул Артур.

Габи вносила группы в список.

– Камал, Джана, Эмма, Тобиас. Артур за старшего! – предложила Эмма.

– Отлично, вот и разделились, – обрадовалась Габи. – Помните, ровно два часа. Smartwatch не отключать, быть на связи. Старшие, отвечаете за группу головой. Отрастить новую вам не поможет никакая генетика.

Ты боишься

Они стояли на ступенях Музея естественной истории. Уже привыкшие к тихой и размеренной жизни на Норт-Бразер, все пятеро с трудом воспринимали шум мегаполиса, его неумную энергию, бьющую через все поры асфальта. Несмолкаемый поток звуков оглушал, солнечный свет, отраженный от стекол домов, ослеплял, запах выхлопных газов колотил по обонянию.

– У нас в Дели шума еще больше и намного грязнее, – сказал Камал, любуясь Нью-Йорком.

– Я и не думала, что так приживусь на острове. Шелест деревьев, редкие гудки проплывающих мимо барж... Теперь в городе мне некомфортно, как было тогда, до лечения – что-то такое я чувствовала каждый раз, когда мать выводила меня из дома, – вспоминала Эмма.

– Дело не в городе, – сказал Артур. – Такие, как мы, зациклены на своих болезнях, у нас нет друзей. К чему нам все эти городские прелести? Кафе, где не с кем встретиться, кино, куда не с кем пойти? Да те же такси! Ну куда в них ехать? Нас нигде не ждут. На Норт-Бразер все проще. Там мы забываем о том, насколько на самом деле одиноки.

Эмма молчала. Что бы ни чувствовал Артур, она уже распрощалась с одиночеством. Не так давно в ее жизни не было никого, кроме матери, а теперь она стоит на ступенях музея с друзьями, говорит с ними, понимает их чувства и эмоции. Наконец она по-настоящему с кем-то рядом.

Тобиас включил навигатор.

– Артур, говори, куда идем, – попросил он.

– Не идем, а едем. Вон вход в подземку, на той стороне улицы, – ответил Артур.

– У вас какие-то дела? – спросил Камал.

– Артур хочет зайти к себе домой, пока мы здесь. Вы с Джаной можете подождать нас возле его дома. Займетесь, чем хотите. Расклад устроит? – спросила Эмма.

– Вполне! – обрадовался Камал. Джана кивнула.

Они дошли до оживленной проезжей части. Артур нажал кнопку на светофорном столбе, и зеленый свет сменился на желтый, а затем на красный. Сплошной автомобильный поток замер.

В вестибюле метро было прохладно. Стены, кое-где покрытые плесенью и каплями влаги, отражали гул торопливых шагов. Длинный ряд билетных автоматов покрывала такая же влажная плесень, блестела лишь затертая от прикосновений клавиатура. Эмма приложила smartwatch к сканеру, и пять билетов выпали в лоток выдачи.

– Пошли скорее, не хочу толкаться в давке, – проворчал Камал.

– Сегодня поезда по этой ветке ходят с увеличенным интервалом. Десять минут в среднем. – Тобиас читал информацию на табло. – Может, поэтому тут столько народа?

Через турникет с гогомом перепрыгнули двое в надвинутых на глаза капюшонах. Один из них сшиб ногой мусорное ведро, и оно, громыхая, покатилося вниз по лестнице, распугивая пассажиров.

На платформе звучно храпел бродяга. Вместо подушки под головой он сложил потрепанную спортивную сумку, из которой торчали пожитки. Пара человек стояла у самого края платформы, опасно нависая носками ботинок над рельсами. Толпа распределялась по платформе – еще минута, и количество людей, жаждущих попасть в следующий поезд, достигнет критической массы.

– Едет, наконец-то! – с облегчением вздохнула Эмма.

Свет прожекторов и скрежет металла заполнили тоннель до краев, и состав, взвизгнув, затормозил.

Камал и Джана первыми вбежали в открытую дверь. Они о чем-то весело шептались, подталкивая друг друга под локоть.

– На какой станции выходить? – спросила Эмма.

– Я скажу, – ответил Артур, не глядя ей в глаза.

– Что с тобой сегодня? Ты с утра напряжен. – Эмма безуспешно пыталась поймать его взгляд.

– Нью-Йорк – мой город. В смысле, я родился и вырос здесь.

– Ну и прекрасно! Нет ничего страшного в том, что ты скучаешь по дому, – заметила Эмма, доставая из сумки зеркальце, чтобы прихорошиться. – У тебя там есть кто-нибудь? Или все на работе?

– Там давно никто не живет, – мрачно произнес Артур. Как по команде, Эмма спрятала зеркальце обратно в сумку и прижалась к Артуру плечом.

– Тогда что нам там делать? – спросила она так тихо, что за шумом колес Артур едва расслышал ее слова.

– Ты знаешь, что я шизофреник. Во время приступов я не отличаю реальность от видений. Поэтому и воспоминания меня подводят. Я плохо помню лица, события, многое путается, со временем совсем забывается. С тех пор, как мне исполнилось девять, я словно хожу по кругу. Часто мысленно возвращаюсь в те места, которые что-то для меня значили, чтобы они не исчезли бесследно. Это якоря, которые держат на плаву мой разум. Мне важно знать, что не все в моей голове – больной бред и многие воспоминания все-таки настоящие.

– Когда доктор Робертс начнет лечение? – спросила Эмма.

– Хельгбауэр считает, что я еще не готов. Она этого не скрывает. Для нее важно, чтобы я был откровенен с ней, – вздохнул Артур. – Иначе она не сможет подтвердить подписью, что я осознанно соглашаюсь на лечение.

– Ты боишься! – догадалась Эмма. – Потому что после лечения все в тебе изменится. Тем, кого лечат от физических болезней, легче. А таким, как мы с тобой, – со сдвигами по фазе – лечение дается очень тяжело. После первой инъекции я перестала узнавать себя. Постепенно теряла все, что делало меня прежней Эммой. Страх перед людьми сменялся тягой к ним, равнодушие к чужим эмоциям переросло в мощную эмпатию. Я завела подруг, плакала и смеялась вместе с ними. Это было так странно и ново. Очень страшно!

– Никогда бы не подумал, что ты раньше ни с кем не общалась. Вряд ли найдется хоть один пациент в Cas9, с которым ты не была бы знакома.

– Доктор Хельгбауэр помогла мне не сойти с ума. Мир вокруг менялся, менялась и я, и все, что я видела: люди, предметы. Сейчас я здорова и приняла новую себя целиком. Поэтому Габи права – если ты не примешь ее помощь, то выздоровление превратится для тебя в психологический ад. Тебе будут нужны те, кто рядом. Доктор Габи и, конечно, я... – Наконец Эмме удалось поймать удивленный взгляд Артура.

«Кристофер-стрит – Шеридан-сквер». – Поезд затормозил у платформы.

– Приехали. Нам на выход, – сказал Артур.

Эмма, Артур, Тобиас, Джана и Камал вышли из вагона, присоединившись к толпе, которая понесла их к выходу. Здесь было слишком оживленно – тесня друг друга, по проходу шли десятки людей, задрав вверх головы и глядя на информационные табло со временем отправления поездов.

Пройдя два квартала, они остановились у двадцатипятиэтажного многоквартирного дома. Простое бетонное здание с широкими окнами и кофейней на первом этаже. Артур так давно не был здесь, что все вокруг: и улица с высокими вязами, и шеренга фонарных столбов, и высушенная из окна старая соседская дворняга, – казалось ему едва знакомым, как виденный давным-давно сон.

– Я голодная, – посетовала Джана.

– Честно говоря, я тоже, – сказал Камал.
– Оставайтесь тут. Витрина кафе выглядит вполне аппетитно, – предложила Эмма. – Я возьму для вас обед.

Артур и Тобиас ждали ее у входа в подъезд.

– Ты в порядке? – спросил Артур, глядя на бледное лицо Тобиаса.

– Да, все ок, – ответил он тихо. – Просто слишком много впечатлений.

– Может, тебе принять лекарство? Есть что-нибудь с собой? – поинтересовался Артур.

– Да, но надо запить водой. Поднимемся к тебе, и я его приму, – сказал Тобиас.

– Ты явно хочешь спросить меня о чем-то?

– Типа того... Ты не взял с собой ни Джану, ни Камала, а нам с Эммой доверился. Не знаю, что ты хочешь найти в этой квартире, но для тебя это важно. И ты решил разделить это с нами.

– Хочешь знать, почему вы? – спросил Артур. – Сколько мы дружим? Месяц? Слишком мало, чтобы посвящать вас в самое сокровенное. Но знаешь что? Сердце подсказывает, что я все делаю правильно.

– Вот про сердце получилось убедительно. Я-то знаю, как важно к нему прислушиваться, – согласился Тобиас.

Эмма вышла из кафе и уже спешила к ним, деловито собирая волосы в пучок и закатывая рукава, будто готовилась проходить квест.

– Он неважно себя чувствует. – Артур показал на Тобиаса.

– Господи, как ты? Что-нибудь болит? Где болит? – застрекотала Эмма, поглаживая Тобиаса то по спине, то по плечам. Вдруг она крепко обняла его и прошептала:

– Не волнуйся, я рядом.

Артур почувствовал, что реакция Эммы удивила его до глубины души. В трудную минуту она могла поддержать его. Возможно, теперь ему будет на кого опереться. Но Артур оставил эти мысли на потом – лифт неумолимо поднимался на девятнадцатый этаж.

Артур старался не смотреть ни на Тобиаса, ни на Эмму. Тишина давила на него, и по спине бежали мурашки.

Он остановился у двери в квартиру. Отпечаток его большого пальца все еще подходил в качестве ключа, и Артура кольнуло чувство жалости. Ему было жаль себя, потерянного, стоящего у входа в свой пустой дом. Он повернул ручку и сделал первый шаг в темноту заброшенного жилища. Свет тут же зажегся – все лампы были на месте, не считая одной, выбитой тяжелым предметом и рассыпанной осколками на полу.

– Здесь словно был обыск... – ахнула Эмма, глядя на раскиданные вещи, битое стекло, выброшенную из кухонных шкафов посуду.

– Не обыск – это сделал мой отец, – ответил Артур.

Аккуратно переступая через разбросанные вещи, Тобиас прошел в кухню и открыл дверцы шкафчика.

– В шкафу полно хлебцев. Просрочены, – разочаровано сказал Тобиас, открывая пакет. – Но вроде съедобные. Таких уже не делают... Можно?

– Конечно, – разрешил Артур.

Он смотрел, как Эмма поднимает с пола покрывало и стелет его на диван, расставляет подушки, поднимает стулья и раздвигает занавески, впуская в квартиру дневной свет.

– Ты все равно не наведешь здесь порядок, – сказал он угрюмо.

– Хоть немного. Не могу смотреть на разор. Что-то еще осталось от прежней меня и, честно, это меня радует, – отмахнулась она, запуская робот-пылесос. Он с жужжанием проехал под столом, уткнулся в стену и, сердито мигая красным, сдал назад.

Теперь Артур не знал, зачем пришел сюда. Одиночество и тоска тлели внутри, как черные, едва теплые угли. В тот самый день, восемь лет назад, мать, нервно мигая большими испуганными глазами, схватила его за локоть, больно сдавив и оставив синяк, и вытащила из квартиры. Она доволокла его до лифта и нажала кнопку вызова.

– Слушай внимательно! – истерически шептала она, оглядываясь на дверь. – В этой сумке деньги, разрешение на перелет без сопровождения и адрес. Я давно все подготовила на случай... Поезжай в аэропорт, возьми билет до Бойсе. Там живет твоя бабка – моя мать. Ты ее не видел. Вот и познакомишься, – она поморщилась. – Придется тебе поладить с этой стервой. Потом я приеду и заберу тебя.

– Мама, тебе нельзя здесь оставаться! – в ужасе залепетал Артур.

– А у меня есть выбор? Дорогой, я не могу его бросить... такого. – Она крепко обняла Артура, уткнулась лицом в вихрастую макушку.

– Не отправляй меня из дома, я боюсь, – плакал Артур.

– Здесь еще страшнее. – Она разжала его окостенелые пальцы, вцепившиеся в ее запястья.

Словно в тумане он вошел в открытые двери лифта. Вот и все, что он помнил.

Видит Бог, Артур боялся заглядывать в омут памяти. Было там что-то темное, какие-то провалы, спутанные обрывки воспоминаний. Не все они были реальны, а многие просто пугали его. Он знал, точно был уверен, что после того, как мать простилась с ним у лифта, он стоял еще минуту за закрывшимися дверями. Стоял не двигаясь. И что было дальше?

Может, он спустился вниз, выбежал на середину улицы прямо под колеса полицейской машины? Артура привезли в участок, где он умолял скорее, без промедления, вызвать наряд в его квартиру? Если бы ему не было всего девять, может, они поверили бы ему и успели вовремя?

Или, словно послушная кукла, он поймал такси и поехал в аэропорт, сел на рейс до Бойсе и весь кошмар, что случился здесь после, высмотрел в новостях? Может быть, он вытягивал из телеэкрана картины произошедшего, как рыбак вытягивает трепещущую рыбку из мутной воды, слышал и видел все, словно был там? Хватило бы и трехминутного репортажа, чтобы все понять.

Или все-таки он снова нажал на девятнадцатый? Вышел в тот самый коридор, набрался смелости и подошел к своей двери? Зашел ли он в квартиру?

Где же она, его реальность?

Одно Артур знал наверняка – в тот день или в другой, он сел в самолет и добрался до Бойсе, и вскоре уже стоял на пороге дома старухи Сильвии, своей родной бабки. Вытирая сопли кулаком, побиваемый крупными каплями дождя, льющими за воротник рубашки, Артур стоял и смотрел, как ее дохлая тень, увеличиваясь с каждым шагом, заполняет матовое стекло входной двери, разрастается, замок наконец щелкает и тщедушное тело вываливается на свет божий, чтобы поглазеть, что за мальчик стучится в дверь.

И что потом? В реальности этих воспоминаний он уверен. Вездесущий запах мочи и старушечьих тряпок. Затасканные штаны, которые она кинула ему в лицо, требуя надеть их на первый урок в новой школе. А школа? Он так и не пошел на свой первый урок. И на второй, и на третий. Ни разу за год, что он прожил у старухи Сильвии, нога его не переступила порога занюханной школы. Благо, у бабки не было ни малейшего желания интересоваться, где Артур коротает бесконечно длинные дни.

Он приходил в ее дом затемно, когда она уже готовилась ко сну. Скрипя и охая, она обмазывала сморщенную кожу кремами, натягивала на трескучие кости пожелтевшую от времени пижаму. Артур входил тихо, мышью проскальзывал в свою комнату и плотно закрывал дверь. В этой комнате, сырой и темной от раскидистых веток дерева, загородивших окно, когда-то жила его мать, пока не свалила ко всем чертям от старой ведьмы, не оставив даже записки. Он проходил вдоль стен, закрыв глаза касался обоев кончиками пальцев. Что видел он? Маму, сидящую на кровати с растрепанными волосами, в кроссовках с грязной подошвой. Она смотрит сериал в ноуте и качает ногой в такт саундтреку. Если открыть глаза, мама исчезнет, поэтому Артур, зажмурившись, на ощупь, медленно подходит к кровати и ложится рядом, упираясь носом в ее теплую руку. «Только не открывай глаза», – приказывал он себе, погружаясь в сон. И лишь к утру веки его вмиг открывались, и матери снова не было рядом. А бабка Сильвия уже гремела посудой на кухне, готовя себе любимой завтрак.

Артур точно помнил тот день, когда бабка Сильвия околела в своей постели, а его наконец забрали в приют. В приюте ему нравилось больше.

– Артур, Артур! – Эмма дергала его за руку, вытаскивая из забытья, как тащат из реки обмякший, ничуть не возражающий труп.

– Ох, Эмма, – прошептал Артур, оседая на пол.

– Тебе плохо? Хочешь, пойдем отсюда? – Эмма опустила на корточки рядом с ним, всматриваясь в его побледневшее лицо.

– Мне совсем хреново, Эмма, – всхлипывал Артур, не в силах сдержать текущие по щекам слезы.

– Давай просто выйдем отсюда и забудем про все, хорошо? – Эмма еще пыталась помочь, но пустота в его взгляде и сжатые кулаки пугали ее.

Артур слышал ее голос будто издалека. Из-за спинки дивана он видел Тобиаса, спокойно поедающего хлебцы на кухне. Это были его, Артура, любимые хлебцы. Он каждый раз брал их в супермаркете и сам нес на кассу, чтобы поскорее вскрыть коробку, достать первую хрустящую пластинку и отправить ее в рот. Только что-то не так было с самим Тобиасом. Был ли это вообще Тобиас или он стал кем-то иным? Но кем именно? В комнате играет музыка, все лежит на своих местах. Когда Артур снова посмотрел в кухню, у шкафчика уже никого не было. Робот-пылесос стоял на базе, все лампы в коридоре были на месте и весело горели, отражаясь в натертой до блеска плитке пола.

Клавиша раз-два-три... Такая знакомая мелодия... Артур ни с чем ее не спутает. Это его любимая колыбельная. И точно, в гостиной так и стоит пианино. Простое пианино, из тех, на которых детей учат музыке в унылых школьных классах. Но каждая клавиша настроена матерью безупречно. Черные против белых. Гармония во плоти. Так всегда говорила мать. Возле пианино стоит Эмма, такая прекрасная, в синем топе и узких брюках, на шее подвеска – круг с вделанным в него витражом – сердечко, красное, слишком яркое. Это его пугает. Эммы не должно тут быть. Он пытается сказать ей, чтобы она убиралась отсюда, но ее уже здесь нет. За пианино сидит только его мать, волосы закрывают лицо, на шее сверкает красный медальон-сердечко. Она играет все быстрее и быстрее, любимая колыбельная Артура ускоряется, становясь пародией на саму себя. Артура охватывает ужас, сердце колотится, но оно не может заглушить отвратительной какофонии, в которую мать, неистово лупя по клавишам, превратила их песню. Святотатство! Пляски мертвых! Она должна замолчать, должна прекратить давить пальцами на клавиши, высекая из них не ноты, а человеческие крики. Артур с трудом переставляет ноги, тело его не слушается. И рот будто онемел, язык болтается между зубов как тряпка, не желая складывать мычание в осмысленные слова. И тут мать поднимает голову.

Лучше бы он не видел ее такой никогда. Ее рот разорван до левого уха, одного глаза нет, вместо него на Артура воззрилось красное месиво. «Поиграем в четыре руки?» – коверкая слова, предлагает она, но Артур уже падает на пол без сознания.

Слух и зрение возвращались к Артуру с трудом. Он приподнялся с пола, но снова упал, охваченный тошнотой и головокружением. Голова нестерпимо болела. Зато теперь он четко слышал все, что происходило вокруг.

– Черт, Артур, ты чего? – в ужасе лепетала Эмма. Ее кожа стала бледной, с сероватым оттенком, даже пара веснушек на носу поблекла.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – повторял Тобиас, трясаясь мелкой дрожью.

– Хватит, я звоню Хельмбауэр! – решительно сказала Эмма.

– Стой, не надо... – произнес Артур.

Каждое слово давалось ему с невероятным трудом. Но он знал – прибеги сейчас Габи Хельмбауэр на помощь, и он надолго будет заперт в стенах Cas9 без права выезжать на экскурсии с остальными. Ему хотелось остаться одному. Лучше – одному во всем мире. Чтобы разразиться рыданиями, орать и лупить кулаком все, что попадется под руку. Расколотить к хренам гребаное пианино, облить стены смесью для розжига костра и запалить зажигалкой. Но он все еще сидел на полу обессиленный.

Эмма молча стояла возле Артура за спинкой дивана. Этот барьер надежно закрывал их двоих от остального мира. Тобиас съехался на стуле возле окна, поджав под себя ноги, и тоже хранил молчание. Все трое поникли, растерялись. Тобиас заговорил первым. Его тихий, робкий голос, голос испуганного подростка, пробудил в Артуре сострадание.

– Я догадываюсь, что с тобой случился очередной приступ. Можешь не объяснять. Но и мы испугались. Видел бы ты себя! Это было ужасно.

– Ты мог поранить кого-нибудь, Артур, – подтвердила Эмма.

– В каком смысле? Я просто потерял сознание, и все! О чем ты? – удивился Артур.

– Ты не помнишь? – Тобиас подошел и встал прямо перед Артуром. Он сжал кулаки и готов был пустить их в ход. Артур никогда прежде не видел его таким.

Эмма отошла от Артура на метр и недоуменно смотрела на него.

– Смотри вон туда! – задыхаясь, прокричал Тобиас. – Ну же, чего ты ждешь? Просто упал, и все?

Артур окаменел, мышцы отказывались подчиняться. Он знал – то, на что указывает Тобиас, изменит его жизнь. И животный страх, который он испытывал во время приступов, снова охватил его. Он посмотрел на Эмму, ища поддержки, но она тихо плакала, закрыв лицо руками. Собрав последние силы, он выглянул из-за спинки дивана. В паре метров от него так и стояло пианино, между клавишами которого была всажена с нечеловеческой силой, почти по самую рукоять, длинная отвертка. Одна из тех, что так и остались валяться на полу рядом с ящиком с инструментами, когда он рассыпался. Этого ему только не хватало. Артур понял: теперь отличить правду от вымысла стало невозможно. Это был конец – полная победа шизофрении над тем Артуром, что долгие годы смел сопротивляться болезни.

Они вышли из дома, поймали такси. Джана и Камал, объевшиеся в кафе пирожных, всю дорогу заливались смехом, не обращая внимания, что Артур, Эмма и Тобиас ехали молча, отвернувшись друг от друга. Такси остановилось у Музея естественной истории.

– Я сам говорю с доктором Хельмбауэр, – прошептал Артур, глядя на Эмму. Они остались в такси вдвоем, остальные уже вышли. – Обещаю.

Эмма хотела что-то сказать, но передумала, просто крепко обняла его.

Цена времени

В начале июля Марк Робертс попросил Артура зайти к нему в кабинет. Словно предчувствуя неприятный разговор, Артур вжал голову в плечи и приготовился обороняться. В первую же минуту, без предисловий, Марк дал Артуру понять, что без подписи Габи Хельгбауэр лечение не начнут. Но как бы он ни пытался донести до Артура непреложное правило корпуса Cas9, тот упрямо мотал головой и отказывался вникнуть в суть происходящего.

– Доктор Хельгбауэр доложила мне, что больше чем за месяц на ваших сеансах не случилось никакого прогресса. Ты сопротивляешься работе с ней. Видимо, не понимаешь, какую бесценную услугу окажет тебе доверие такому психологу, как Габи. Ты хоть представляешь, как много изменится в твоей жизни, когда мы начнем лечение? Мы же не перелом тебе срашиваем, Артур! Изменится твоя психика, восприятие себя и окружающего мира. Как ты собрался проделать такой путь без психологической помощи? Это невозможно! И пока ты не отдаешь себе отчета в последствиях лечения, я даже пальцем не пошевелю, чтобы его начать. Почему ты не хочешь поговорить с доктором Хельгбауэр начистоту? Когда мы отбирали в программу подростков с шизофренией, нам было важно твое желание вылечиться. Именно ты был готов на все ради такого шанса. И что теперь? Тебе так нравится сходить с ума, что ты никак не прекратишь свои страдания?

– И я перестану снова и снова переживать свое прошлое? Да вы шутите! Уже восемь лет я только и мечтаю, чтобы все поскорее закончилось, – ответил Артур.

– Не восемь, Артур, гораздо больше. Ты лжешь самому себе. С тех пор, как ты начал осознавать себя, тебе популярно объяснили, что такое шизофрения и что тебя ждет. И что ты унаследовал шизофрению от отца – она в твоих генах. Эти записи есть в твоих беседах с врачом из психиатрической клиники.

– На кой они вам? – разозлился Артур.

– Это не тебе решать. Я получаю ту информацию, которую считаю нужной. И в твоём случае каждая мелочь имеет последствия. Ты в ужасе, прошлое преследует тебя. Но поверь, только Габи Хельгбауэр может дать добро на твое лечение. Как только она подпишет документы, я тут же распоряжусь о разработке вакцины для тебя, обещаю.

Артур сидел в кресле, опустив голову. В жизни было две вещи, которых он боялся больше всего: своего прошлого и необходимости раскрывать душу перед кем бы то ни было. Мрак, царящий внутри, требовал тишины. Словно заговорщики, Артур и его тьма жили бок о бок последние восемь лет, никого к себе не подпуская. Но, судя по виду доктора Робертса, спорить было бесполезно.

– Подумай над тем, что я сказал.

– Видимо, здесь мне не дадут поступать по-своему, – пробормотал Артур.

– И ты будешь благодарен. Твоя самостоятельность не привела ни к чему хорошему. Посмотри на себя. Попробуй сменить тактику и увидишь результат.

Артур прошелся по второму этажу. Между кабинетами доктора Робертса и Габи Хельгбауэр было каких-то тридцать метров. Воспоминание о том, как он удирал отсюда в прошлый раз, его рассмешило. Благодаря Эмме и доктору Робертсу, Артур начал осознавать – ему придется пройти через откровенность с Габи Хельгбауэр. Хотя бы начать с малого и посмотреть, что из этого выйдет. Снова и снова Артур приходил к мысли, что дальше так продолжаться не может. Если лечение не начнется в ближайшее время, его все равно исключат из программы и

возьмут на его место шизофреника посговорчивее. На свете много людей с таким же диагнозом. Оставалось лишь дойти до двери доктора Хельмбауэр и постучать. А там будь что будет.

По затылку пробежал холодок, словно чей-то пристальный взгляд неотрывно сверлил его. По полу потянуло прохладой, где-то открылась и снова захлопнулась дверь. Шуршание шагов по ковру стало отчетливым, но Артур все еще не решался обернуться. Видения могут снова охватить его прямо сейчас. Бежать как можно быстрее, обгоняя свой страх – вот единственный шанс не свалиться в забыты в пустом коридоре. Но ноги словно налились свинцом, ступни не отрывались от пола. До спасительной двери доктора Хельмбауэр оставалось не больше десяти шагов, но Артур знал – кто-то или что-то идет за ним, по-стариковски шаркая подошвами. За спиной звякнуло и булькнуло, и Артур услышал тонкий, пронзительный голос. От страха он окончательно застыл на месте, не в силах разобрать ни слова. По спине катился пот.

– Я записан к доктору Хельмбауэр на три часа, – сказала некто.

Артур повернулся и увидел его лицо. Оглушительный крик Артура копьём пронзил тишину коридора.

Габи спокойно разливала чай по чашкам, напевала песенку на родном немецком языке и гремела блюдами с печеньем.

– Артур, угощайся. Майчек, твои любимые. – Она ободряюще улыбнулась им обоим и села за рабочий стол.

Артур косился на человечка в больничном халате. Тот крепко сжимал штатив передвижной капельницы и все время переставлял тощие ноги.

– Реакция Артура вполне предсказуема, Майчек. Особенность его заболевания предполагает, ну, скажем, не всегда адекватную оценку действительности. Твоя необычная внешность могла показаться Артуру пугающей, правда, только через призму собственных страхов, – объясняла Габи.

Сложная, будто выложенная из кирпичей фраза пролетела по комнате и растаяла.

– Я понимаю, мисс Хельмбауэр, – ответил Майчек тонким голосом.

Артур подумал, что так топорно, по-медицински, говорят лишь с теми, кто провел в больнице слишком много времени. Пациенты забывают простой человеческий язык, думают и говорят как медперсонал. Но во время сеансов с Артуром Габи изъяснялась свободно, языком обывателя. Значит, она явно умела говорить с каждым по-особенному, и, возможно, уже сама этого не замечала.

Майчек отхлебнул чай из чашки тонкого фарфора и повернулся к Артуру. Его большая, словно надутая, голова с синей веной на лбу, круглые глаза и маленький загнутый книзу нос выглядели жутковато. Самым странным был диссонанс детского голоса и обвислой шеи, тщедушного тела и морщинистых рук, покрытых старческими пятнами.

– У меня прогерия, – будто оправдываясь, сказал Майчек.

– Преждевременное старение. Очень преждевременное. Майчеку девять, – вставила Габи, и Артур неделикатно ахнул. – Сейчас я проведу сеанс с Артуром, а ты подожди меня немного на диване. Посмотри вот это...

Она протянула Майчеку увесистый журнал с комиксами. Тот молча встал и вышел, шурша тапками по полу.

– Ну? – Она вопросительно посмотрела на Артура.

– Мне очень жаль. Я не хотел его обидеть, – сказал Артур, глядя в пол.

– Не ты первый, Артур. У каждого из нас свой груз на душе. И я не имею в виду только пациентов. Большинству людей, которые тебя окружают, есть о чем горько вздохнуть. И каждый из нас ищет, с кем можно разделить эту ношу.

– Майчек делится с вами всем? О чем там вообще можно говорить? Это не жизнь, а ужас какой-то.

– Его отец, доктор Ратаковски, наш главный генетик, делает все возможное, чтобы найти лекарство.

– Так вот оно что. Я пару раз слышал, что сын Ратаковски тоже здесь.

– Все верно. Поэтому наш институт плотно занят вопросами предотвращения старения. Но это отдельная история. Давай-ка поговорим о тебе.

Артур все еще смотрел в пол. По паркету протянулся след от штатива с капельницей, едва заметный, призрачный, он напоминал о мальчишке-старичке, который только что сидел так близко от Артура. Если раньше Артур искренне думал, что нет на свете человека несчастнее его самого, кого-то, кто претерпел бы больше страданий, то теперь он понял, как сильно ошибался. Внутри словно щелкнул выключатель, Артур расслабился и начал говорить. Слова выстраивались порой в бессвязные, но такие искренние фразы, от которых у Габи сжималось сердце. Артур рисовал свои жуткие миражи прямо посреди комнаты, они вырастали и таяли, уступая место новым, зыбким и таким же страшным. И хотя Габи понимала, что большая часть услышанного была плодом его воображения, для Артура это была настоящая жизнь. Потому что нет другой истины в мире кроме той, что мы за истину принимаем.

Когда Артур наконец выговорился, Габи подписала протокол согласия на лечение.

– Я вижу, он готов, Марк, – убеждала Габи, помахивая папкой с личным делом Артура. Июльский зной превратил кабинет доктора Робертса в плавильный котел. Все таяло в нем: и стол, и компьютер, и вешалка с небрежно накинутым на нее белым халатом.

– Господи, включи уже кондиционер! – взмолилась Габи.

– Ни за что! Я заболею быстрее, чем ты закончишь свой монолог про опасное состояние Артура. Кстати, об опасности. Не ты ли допустила его визит не куда-нибудь, а к нему домой? Боже, Габи, его болезнь прогрессирует, а вакцина будет готова не раньше, чем через полтора-два месяца! Исследования по нему оказались сложнее, чем мы думали. Когда Ратаковски вчера получил твое требование, он орал на меня.

– Не требование, а просьбу. Артуру плохо. Да, Марк, это моя ошибка, что я упустила его из виду и он пережил слишком большой стресс. До этого Артур ни разу не говорил со мной откровенно. Между нами словно была высокая стена. Когда я отпускала их в город, то подозревала, что у Артура возникнет желание пойти туда, где случилось непоправимое. Но я поделила детей на большие группы. Они должны были присматривать друг за другом. Кто бы мог подумать, что Артур обладает таким даром убеждения и поведет за собой всех четверых? Такое невозможно было предусмотреть даже мне. И, во-первых, он так ничего детально и не вспомнил...

– Этого еще не хватало... – вздохнул доктор Робертс.

– Во-вторых, – продолжила Габи, – по возвращении он сам пришел ко мне, чтобы поговорить. И если раньше он только и делал, что уклонялся от моих вопросов, будто я дроттики в него метала, то сейчас он буквально раскрылся. Насколько смог. И теперь я считаю, что он готов к лечению. И чем быстрее, тем лучше.

– Я понял тебя, ладно. Поговорю с Ратаковски еще раз. Он загонит лаборантов в гроб посуточным дежурством, если я уговорю его поторопиться.

– Вот и отлично. – Габи встала, собирая ладонью со лба блестящие капельки пота.

– Постой... Может, посидишь еще, а потом поужинаешь со мной? – неуверенно спросил доктор Робертс.

– О чем ты, Марк? – устало произнесла Габи. – Еще пару часов в духоте твоего кабинета я просто не переживу.

– Не в этом же дело, верно?

– Хочешь правду? – Габи так резко подалась вперед, что Марк испуганно отшатнулся. На долю секунды он подумал, что Габи может дать ему пощечину. А это больно и как-то уж очень унижительно.

– Ладно, проехали, – примирительно сказал Марк.

Он знал, что если Габи посмотрит в его глаза, то все поймет. Он, словно ишак, нес на плечах неподъемный груз десяти лет ожидания. Его жизнь была нарезана временем, будто пирог: сладкий кусок по имени Габи, навечно для него потерянный. Вот кусок с привкусом лекарств и капельниц для жены. Затем черствый кусок разлуки, бессонных ночей и чувства вины перед всеми, да и перед Габи тоже. По кругу: исступление, напряжение, лаборатория ночью, лаборатория днем, встречи, исследования, встречи. И так день за днем. Десять последних лет навалились на него всей тяжестью, заставляя опустить плечи и согнуть спину. Но Габи ничего этого не заметила. Как обычно, она вышла, хлопнув дверью, даже не оглянувшись.

Габи сделала единственное, что считала правильным. Она спустилась на минус первый этаж, обогнула лабораторию, где за стеклянными стенами двое лаборантов подсоединяли электроды к оголенному трепанацией мозгу упитанной обезьяны, и направилась напрямиком к доктору Ратаковски. Он всегда запирался изнутри, и потревожить его могли лишь несколько человек во всем блоке Cas9.

Решительный стук в дверь вывел его из оцепенения – Ратаковски сидел в глубоком кресле, устало откинувшись на спинку. В толстых стеклах очков отражалась фотография двухлетнего Майчека.

– Входи, Габи, – сказал он, отпирая пультом электронный замок.

– Как ты понял, что это я? – поинтересовалась Габи.

– Только ты позволяешь себе колотить в мою дверь, – ответил Ратаковски.

– Значит, ты знаешь, о ком я хочу поговорить?

Доктор Ратаковски сам выбрал кабинет на минус первом этаже, а не на втором, как у Габи и Марка, хотя положение позволяло. Ему было проще работать сутки напролет, если он не знал, который снаружи час. Для него существовало единственное время – «десять утра, самое время поработать». Голые белые стены и запах чистящего средства нагоняли на Габи уныние.

– Опять насчет Артура. Мой ответ – нет! – отрезал Ратаковски.

– Этот ответ я не приму, Ежи, – мягко сказала Габи. – Я понимаю, тебе нужно провести еще ряд исследований. Но время не ждет. Нейролептики уже плохо стабилизируют его состояние. Только ты можешь ему помочь.

Ратаковски погрузился в раздумья. Он вспомнил сына. Не так давно он и сам узнал цену времени, важность не упустить драгоценные дни, невосполнимые недели.

– Я попробую найти время для его вакцины. Ничего не могу обещать. Но больше не приходи ко мне. Ты знаешь, я боюсь тебя, когда ты так решительно настроена, – попросил Ежи.

Габи знала. Марк часто говорил ей то же самое.

Бессмертная

Благодаря Эмме, Артур и Тобиас быстро освоились в Cas9. Она занимала почти весь их день с утра до вечера. Но в те часы, когда Эмма уходила в свою комнату поработать, они бесцельно слонялись вокруг корпусов, исследуя остров. Меньше четырехсот метров в поперечнике – обход Норт-Бразер занял у них пару часов. Корпус для персонала, хранилище, кладовая, корпус Cas9, причал – все, кроме огороженной забором части острова.

Артур и Тобиас начали с хранилища. Бетонный куб с единственным смотровым окошком – нечто вроде подсобки с холодильными камерами. Артур поднялся на цыпочки и посмотрел сквозь стекло. Внутри было темно и холодно, стены покрылись налетом изморози. Он смог различить только высокие, метра три высотой, морозильные камеры, поделенные на пять отсеков. В правом углу каждого отсека горела красная лампочка. Только в некоторых свет был зеленым. Артур решил, что эти отсеки все еще свободны. У дальней стены стоял компьютер. Тобиас предположил, что в нем содержится картотека хранилища или данные о состоянии каждой ячейки. Что бы там ни было, они с Артуром никак не могли попасть внутрь и проверить свою теорию.

Мальчики обошли хранилище, свернули по узкой дорожке между клумбами и подошли к корпусу для персонала. Входная дверь была открыта настежь. На электронном табло у стенда отображалась схема корпуса с указанием секций и специализации сотрудников в каждой из них. Жилые части корпуса делились на сектора: по десять комнат в каждом. При заезде жильцов комнаты раздавали по специализации: сотрудники лабораторий популяционной генетики – в одном крыле, лаборанты из цитогенетики – в другом. Специалисты по наследственной патологии и молекулярной диагностике – на втором этаже, разнесенные в разные концы здания. Судя по электронным указателям, на третьем этаже все вместе обосновались лаборанты доктора Ратаковски.

На стенах в холле висели работы Эммы. Один из витражей, высотой от пола до потолка, без рамы, был выставлен у широкой лестницы, ведущей на второй этаж. Едва заметные прозрачные тросы поддерживали тяжелую конструкцию, снизу стальной поручень, прикрученный металлическими болтами, намертво крепил витраж к полу.

По мнению Артура, на полотне было нечто вполне понятное с первого взгляда. Все оттенки желтого стекла, которые только можно было вообразить: солнце в пасмурный день, бледный песочный, яркий лимонный, цыплячий и желтый неоновый – лишь несколько оттенков, для которых у Артура нашлось определение. И посередине, идущие вдоль всего полотна сверху вниз, две перекрученные серебристые полосы – цепочки ДНК. Звеньями послужили неровно отколотые, с острыми краями куски стекла, обернутые фольгой.

Тобиас долго рассматривал витраж. Он подошел ближе, отошел на пару метров, потом совершил этот же маневр еще несколько раз.

– Посмотри внимательно, – он потянул Артура за край футболки и медленно повел его ближе к витражу. – Присмотрись к самой цепочке ДНК.

Артур присмотрелся и, сделав шаг вперед, наконец-то увидел. В слабом отблеске на серебристом покрытии были различимы буквы. Если не отрывать от них глаз, то при каждом шаге начинали проявляться целые слова.

– Имена и фамилии, – произнес Тобиас, боясь потерять правильный угол зрения.

– Это имена ученых, основателей и первопроходцев геномики, – подхватил доктор Робертс, спускаясь со второго этажа по лестнице. – А также тех, кто до сегодняшнего дня внес неоценимый вклад в ее развитие. Я тоже тут есть. – Марк Робертс показал пальцем на свое имя. – Эмма просто умница. Она сделала нам этот подарок в честь своего выздоровления.

– В корпусе для персонала можно что-то еще посмотреть? Мы с Артуром решили пройтись по острову, пока есть время, – сказал Тобиас.

– Думаю, я могу показать вам нечто интересное, – ответил доктор Робертс.

Они поднялись на второй этаж. Вдоль длинного коридора друг напротив друга выстроились двери. Точь-в-точь как в Cas9, на полу была расстелена ковровая дорожка, только темно-синяя.

– Она приглушает шаги. Многие сотрудники работают допоздна. Когда они добираются до своих постелей, главное, чтобы ничто не мешало им выспаться.

Доктор Робертс открыл один из пустующих апартаментов.

– Вот это да! – воскликнул Тобиас, уставившись в окно.

Судя по расположению здания, оно должно было выходить в сад. Но вместо этого они увидели бирюзовый овал озера. За ним, белея шапкой снега, под серым небом высилась горная гряда. Они глубоко вдохнули ледяной чистый воздух.

– Как такое возможно? – прошептал Артур. Он все еще глубоко вдыхал и медленно выдыхал, следя за облачками пара, вырывающимися изо рта.

– Допускаю, вы еще не видели ничего подобного, – гордо произнес доктор Робертс. – Институт Карпендера стал полигоном для тестирования интерактивных комнат. Смотрите...

Он включил свой планшет. Через несколько секунд пейзаж за окном сменился. Озеро и горы таяли, будто мираж, воздух становился теплее, теперь они чувствовали аромат свежеваренного кофе с первого этажа.

Но это продлилось недолго. Тобиас первым узнал знакомый запах хвои – после приступов мать часто приносила ему хвойный ингалятор. Когда они вошли сюда, стены были покрыты простой белой штукатуркой, которая гармонировала с шапками снега за окном. Теперь же Тобиас и Артур словно очутились в лесном доме. Деревянный сруб, дощатый пол, выкрашенный масляной краской желтый потолок. В ветвях вековых сосен за окном путались солнечные лучи. Вырвавшись из игольчатого плена, они падали на пол наискось, продлевая серые тени деревьев и подоконника.

– Это невероятно. – Артур первым подошел к окну и дотронуться до рамы. – Как настоящая. Можно открыть?

– Пожалуйста, – усмехнулся доктор Робертс.

Артур распахнул створки настежь. Комната наполнилась запахом низких бледных трав, какие растут только под лесными деревьями, прогретой солнцем коры, по которой, собирая янтарный сок, ползет вниз тягучая смола. Жужжание мухи, пронзительный птичий крик, стрекот и шелест – они словно открыли портал в пространстве.

Тобиас погладил теплую поверхность деревянных брусьев стены, снял кроссовок и встал босой ногой на желтый прямоугольник солнечного света на полу. Затем перегнулся через подоконник, в надежде увидеть куст земляники или папоротник под окном.

– Не советую! – запротестовал доктор Робертс, хватая его за пояс на джинсах.

Но было уже поздно. Тобиас высунулся наружу достаточно далеко, чтобы увидеть не земляничный куст, а простую гравийную дорожку под окнами, глухую белую стену корпуса Cas9 вместо сосен и темные воды Ист-Ривер, которым не было дела до обещанной Тобиасу лесной тропы.

– Извини, забыл предупредить. У визуализации четкие границы, обычно она не выходит за пределы помещения. – Доктор Робертс ободряюще похлопал Тобиаса по плечу.

– Чувствую себя так, словно меня разбудили через пять минут после того, как я крепко заснул, – пожаловался он.

– Это как? Со мной такого ужаса не случалось, – усмехнулся Артур.

– Это так: пришибленным и разочарованным, – ответил Тобиас и тяжело вздохнул.

Под конец импровизированной экскурсии оба знали о корпусе для персонала все – доктор Робертс умел говорить не останавливаясь, выстреливая фактами с такой скоростью, что у Артура и Тобиаса все в голове перемешалось.

– У меня есть для вас кое-что еще, – сказал Марк Робертс, взглянув на часы. – Пойдемте со мной в лекторий, не пожалеете.

Пациенты стягивались в лекторий Cas9 на минус первом этаже. В просторном помещении горел тусклый свет. Из-за отсутствия окон невозможно было понять, насколько глубоко находится этот этаж. Накрытый покрывалом, посреди зала высился огромный куб. Доктор Робертс нетерпеливо переминался с ноги на ногу посреди лектория.

В неярком свете лицо доктора Робертса казалось уставшим. Хотя ему не было и пятидесяти, синие тени пролегли под глазами, морщины на широком лбу казались глубокими траншеями. Но, как всегда, Марк Робертс был весь в движении. Казалось, он боялся остаться без дела даже на секунду. Он снял белый халат и положил его на стул, желая создать непринужденную атмосферу.

– Дорогие друзья, – начал Марк, потирая руки. – Вам наверняка интересно, почему мы так старательно изображаем в помещении сумерки. Герои нашей сегодняшней лекции донельзя не любят яркий свет.

«Вампиры?» – подумал Тобиас, и слова соскользнули с языка, прогремев под потолком. Все засмеялись.

– Тобиас мог бы быть прав, – серьезно сказал Марк Робертс. – Летучие мыши-вампиры, прародители легенд о мифических носферату... Молодец, Тобиас. Есть другие предположения?

В лектории молчали.

– Даю еще одну подсказку. наших новых подопечных с мифическими вампирами связывает одна невероятная способность – жить вечно.

В зале раздался недоверчивый гул.

– Еще кое-что: эти существа живут не на земле и не в воздухе. Каждый из вас хоть раз в жизни видел им подобных, а некоторых, возможно, держал в руках. Хотя это довольно противно... Ну же?

– Жабы! – поморщилась Эмма.

– Наверняка улитки. Точно говорю – ничего гаже быть не может, – сказал Камал и передернул плечами от отвращения.

– Никто не угадал, – обрадовался доктор Робертс. – Итак, встречайте! Наши гости из далекой Японии.

Покрывало слетело с куба, и перед глазами заинтригованных слушателей предстал наполненный до краев аквариум. Подсвеченная насыщенным фиолетовым цветом вода была чиста, как горный хрусталь. Сквозь ее толщу, раздувая крохотные купола, вальяжно двигались медузы. Их алая серединка, просвечивающая сквозь прозрачное тело, была так похожа на сердце.

– Медузы Туритопсис. Красавицы, правда? – восторженно прошептал Марк Робертс, прильнув к аквариуму.

Собравшиеся встали с мест и подошли ближе.

– Туритопсис – единственное живое существо на земле, которому неведома смерть от естественных причин. Конечно, она погибает в пасти хищников. Но то, что мы обреченно называем старостью, ей незнакомо.

– И что с ней делать, чтобы жить вечно? Есть ее килограммами? – спросил Артур.

– Было бы все так просто! – ответил Марк Робертс. – Нам придется как следует попотеть в лаборатории, чтобы выудить из нее генетический механизм обновления.

– Разве такое возможно? Люди не медузы. Мы настолько разные... – вслух подумала Джана.

– Садитесь на места, – попросил доктор Робертс. – Сейчас я объясню. Мы с доктором Хельмбауэр решили, что вам необходимо узнать обо всех направлениях деятельности нашего института. Во-первых, это лечение методами генетического редактирования. За этим вы приехали на Норт-Бразер-Айленд. Во-вторых, это «Поле жизни». Большинство о нем уже слышано. Там в искусственных матках растут дети для усыновления. Их создание – та же геномика, которой мы здесь и занимаемся. По этическим соображениям информация о местонахождении инкубатора для детей не распространяется в СМИ. Но между нами и нашими пациентами больше не будет никаких тайн и домыслов. Да, Тобиас, Эмма и Артур? – Марк Робертс выразительно кивнул им, но тут же улыбнулся.

Артур и Эмма посмотрели на Тобиаса. Тот сидел, потупившись, держа руку на груди, словно хотел успокоить непослушное сердце.

Марк Робертс продолжил:

– В-третьих, в нашем институте идет активная работа по поиску «вакцины от старости». Не мы единственные, кто ведет такие исследования. Но благодаря нашим лучшим ученым, а именно доктору Ежи Ратаковски и его команде, Институт Карпентера подошел к разгадке ближе всех в мире. За этим мы притащили сюда две сотни медуз Туритопсис. Как правильно сказала Джана, люди совсем не схожи с медузами. Но мы надеемся, что их генетический код может быть применен для человека. Такую возможность нужно исследовать в любом случае, даже если нас ожидает разочарование.

– По-моему, они все одинаковые. Не вижу ни одной морщинистой медузы, – пробурчала Джана. Она была непоседлива и уже теряла интерес к лекции.

– Боюсь, ни морщин, ни старческого маразма вы не разглядите. Туритопсис использует механизм «инверсии жизненного цикла». Проще говоря, в любой момент она может повернуть свою жизнь вспять. Например, когда во время эксперимента мы наносим ей серьезные повреждения, медуза понимает, что может умереть. Что она делает? Она отбросит щупальца, опустится на дно и заляжет там, превратившись в то, с чего началась ее жизнь – в полип. А потом снова вырастет в медузу. Так вот подумайте: если ваше тело, поняв, что болеет, стареет и угасает, вдруг повернет вашу жизнь вспять?

– Я бы не согласился стать зародышем, – раздалось из задних рядов, и все засмеялись.

– Мы научимся контролировать этот процесс. Наши пациенты будут молодеть настолько, насколько нужно. Главное – понять весь механизм и научиться применять его. А дальше дело техники – сказать «стоп» процессу регенерации мы всегда успеем, – ответил доктор Робертс.

Дверь в зал отворилась, и широкий луч света прокатился по полу, поднялся по спинкам стульев, а затем внезапно исчез. Стуча каблуками, в зал вошла Габи Хельмбауэр. Она была не одна. Словно сгорбленная тень, за ней следовал Майчек Ратаковски, – мальчик-старичок, который недавно так напугал Артура. Габи помогла Майчеку довести штатив с капельницей до свободного места и, бережно поддерживая под руки, усадила Майчека в первый ряд.

– Ты пропустил все самое важное, – вздохнул доктор Робертс. – Я повторю, если хочешь.

– Не надо. Отец объяснил мне, что это за медуза. Я просто хотел посмотреть на нее, – тихо сказал Майчек. Казалось, у него едва хватало сил произнести пару слов.

– Прогерия – преждевременная старость, генетическое заболевание Майчека, имеет те же корни, что и старость обычного человека. Победив одно, мы поборем другое. Для этого мы работаем день и ночь, без сна и отдыха. Если наши надежды оправдаются и «вакцина от старости» будет найдена, Майчек снова станет тем, кем и должен быть, – мальчишкой девяти лет, жизнерадостным и румяным.

Габи стояла, прислонившись к стене, и внимательно смотрела на Майчека. В словах доктора Робертса было столько веры в успех, что они непременно должны были передаться его главному пациенту. Но на сером лице Майчека не появилась улыбка, в глазах не загорелся огонь, и ни один мускул не дрогнул надеждой. Габи вдруг показалось, что вместе с телом – этой предательской развалиной – постарела и душа мальчика.

Марк продолжил:

– Представьте себе мир, в котором люди будут жить столько, сколько пожелают. При этом они останутся молодыми и здоровыми. Как вам перспектива? – Марк Робертс был так счастлив, глядя в ослепительно прекрасное будущее.

– Аминь. – Стиг, тот, что пытался ввязаться в скандал с Артуром на катере, разразился картинными аплодисментами. – И подонки вроде моего отца будут жить вечно, класс!

В зале наступила тишина. Габи Хельгбауэр спокойно смотрела на Стига – словно ожидала от него подобной выходки. Но лицо доктора Робертса пошло красными пятнами.

– Твой отец, мистер Нельсон, один из наших основных спонсоров. Он делает все возможное для научного прогресса, для развития...

– Хватит. Я достаточно наслушался этой байды, – ответил Стиг, встал и пошел к выходу.

Габи Хельгбауэр преградила ему путь.

– Вылить перед всеми ушат личных помоев – вполне в твоём стиле. Но делать это надо у меня в кабинете, за закрытой дверью. Никому здесь не интересны твои проблемы. Кроме меня, конечно. Жду тебя через пятнадцать минут.

Габи отошла в сторону. Когда Стиг прошел мимо нее, стало заметно, что он был на голову выше доктора Хельгбауэр, но в этот момент вся власть над ситуацией принадлежала хрупкой женщине в платье с разноцветными зигзагами.

Дверь за Стигом с грохотом захлопнулась. Марк Робертс протирает очки, собираясь с мыслями. Он словно забыл об аудитории и теперь как бы беседовал сам с собой:

– Прежде чем перевернуть мир с ног на голову, многое предстоит сделать. Однажды я спросил себя, на что мы готовы ради победы над природой, ради решения невозможной задачи, ради успеха, который будет вписан в историю золотыми буквами. Мы готовы на многое. Мы готовы на все...

Долгие годы Габи наблюдала, как эго Марка Робертса разрасталось, поглощало его самого и все вокруг, уничтожало любые препятствия. И сейчас перед ней стоял человек, который и вправду был способен на что угодно ради «золотых букв в истории человечества». И от этого Габи становилось страшно.

Качаясь на волнах

Стиг пришел к нему без пяти два ночи. Тобиас проснулся от тихого, но настойчивого стука в дверь. Он лежал в темноте и не мог собраться с мыслями: сон и явь все еще перемешивались в полусонном разуме, как смешиваются краски в стакане для полоскания кисти. Он спустил ноги с кровати и нащупал мягкие тапочки с серыми помпонами.

– Кто там? – шепотом спросил Тобиас, приложив ухо к двери. На секунду он подумал, что это Джана, и пьянящее чувство предвкушения от ночной встречи охватило его.

– Это я, Стиг. Открой, чучело, – прошептали в ответ.

Тобиас поморщился, но чувство разочарования быстро уступило место любопытству. Он приоткрыл дверь и высунулся наружу.

– Пушу, если перестанешь хамить, – предъявил он ультиматум.

– Непустишь, я тебе заеду, – Стиг оттолкнул щуплого Тобиаса.

– Какого хрена тебе тут нужно? – разозлился Тобиас, запирая дверь изнутри.

– Твое какое дело? – ошетинился Стиг.

– Иди ты! – Тобиас сел на кровать и накинул на себя плед.

– Ладно, давай присядем на дорожку, – сжалился Стиг, глядя на маленькую фигурку Тобиаса, жалобно скукожившуюся на краю кровати.

Предчувствие не обмануло, подумал Тобиас, и ночь не будет прожита зря. В нем зажегся огонек восторга, который так просто было раздуть из самого прогоревшего уголька в сердце пятнадцатилетнего парня. Он разгладил одеяло и пригласил Стига сесть рядом. Но тот, повинувшись вечному упрямству, забрался с ногами на подоконник. Стиг взгляделся в темноту за окном, прищурив глаза.

– Что там? – нетерпеливо спросил Тобиас.

– Мне должны подать сигнал... – ответил Стиг, сосредоточенно закусывая губу.

– Снаружи? В темноте? Сигнальный огонь? – забеспокоился Тобиас.

– Ты спятил? – разозлился Стиг. – Хотя это было бы романтично... – Он пригладил растрепанные волосы. – Вот сюда напишут. – Он показал на smartwatch.

– Ясно, – сказал Тобиас, понурившись.

Ему хотелось приключений, как в книгах, которые читала ему мама в детстве. Хоть выстрела в небо из сигнального пистолета, хоть зазывного свиста поделщиков – свиста, неотличимого от птичьего щебета для тех, кому знать ни о чем не положено. А тут какие-то smartwatch, обыденность, да и только.

– Сиди тихо и не возникай. Кстати, перестань волноваться – не хватало, чтобы ты тут помер. Тогда я точно не смоюсь с острова, – раздраженно сказал Стиг.

Ну и колючкой же он был, настоящий говнюк. День проживет зря, если не заденет кого-нибудь словом или плечом. Тобиас знал, что многие на месте Стига подумали бы то же самое, просто Стиг был единственным, кто запросто озвучивал все, что приходило ему в голову.

– Так чего тебе от меня надо? – спросил Тобиас.

– Не мог же я сигануть вниз из окна своей комнаты на втором этаже. Ты вообще, что ли? – Стиг смотрел на Тобиаса так, словно тот был лишь назойливо звенящим над ухом комаром.

– Тогда катись-ка ты к Эмме. Из ее окна прыгать так же удобно, – обиделся Тобиас.

– Да ладно тебе, хватит дуться. Просто... – Стиг сделал над собой усилие, чтобы произнести то, что должен был сказать. – Просто ты нормальный парень, Тобиас. Я подумал, что ты единственный, с кем я хотел бы попрощаться перед побегом.

Тобиасу показалось, что он ослышался.

– Мы даже не говорили с тобой ни разу. Ты что-то путаешь, – сказал он.

– А мне не обязательно вести с тобой беседы. Это видно с первого взгляда. По глазам, по манере говорить. Думаешь, мне срать на такие вещи? Нет. У тебя доброе сердце. Хотя я веду себя как скотина, но еще умею ценить хорошее в людях.

– У меня большое сердце, Стиг, – тихо сказал Тобиас, делая ударение на слове «большое».

– Тебя вылечат. Ты для этого здесь. Не то, что я... Пора мне убираться подальше отсюда.

– Не понимаю тебя. Мне здесь нравится.

Стиг повернулся к нему и впервые посмотрел Тобиасу прямо в глаза. Его взгляд был сильным и имел какую-то власть над тем, на кого был обращен, словно в противовес пухлому, мягкому, женственному телу.

– Cas9 – место для таких, как ты, болезных. Ты не принимаешь свою болезнь, хочешь выздороветь. Тогда начнется твоя настоящая жизнь, да? Ты только и ждешь волшебного укола доктора Ратаковски, эту ампулу с эликсиром. Мне все это не нужно. Физически я не болен. Я вообще не болен, если уж на то пошло. Тебе сказать, почему папаша запер меня сюда? Это упрямый урод, жаждущий власти над всеми, кто его окружает. Особенно надо мной. Он не оставит меня в покое, пока не перекроит по своей мерке, не выпотрошит меня, как тряпичную куклу, и не набьет вонючими потрохами своих предрассудков.

– Но тебя должны формально от чего-то лечить, – удивился Тобиас.

– Синдром Клайнфельтера. Хромосомное нарушение. Я бесплоден, а папаша до одури хочет продолжить династию – никак не меньше. К тому же, как видишь, тело у меня почти женское, округлое, еще и с грудью, – Стиг кокетливо подвигал плечами. – Это бесит его больше всего. Он вздрагивает от гадливости, когда смотрит на меня. А мне нравится выржаться как девчонка и доводить его до белого каления. Он засунул меня в этот лепрозорий после того, как я заявился на барбекю для богатеньких мудозвонов размалеванный маминой помадой и в ее шмотках. Все так и попадали. Думал, папаша размозжит мне голову бутылкой шардоне. Но он неплохо выкрутился. «Мой мальчик готовится к школьному спектаклю. У него значительная роль – Ланы Вачовски. Но я поговорю со школьным советом, пусть сменят тему. Нечего вгонять пацанов в краску, слишком серьезно они все воспринимают. Переоденься, сынок, и походи сыграй в футбол с мальчишками». Вот говнюк. Зато, когда все разошлись, он сорвал дверь с петель, вломился ко мне в комнату и прижал к стене: «Я не позволю тебе позорить меня, засранец. Тебе конец, тебе и твоим прибабахам». Стиг театрально скривился, растопырил руки и выпучил глаза. Круто, да?

Тобиас засмеялся.

– Не понял, ты не хочешь иметь детей? – наивно переспросил Тобиас.

– Ты оглох, что ли, какие дети? Я не могу их иметь, пока меня не «вылечат». – Стиг схватился за голову, изобразив деланный ужас. – Тебе сколько лет, чудило, что ты с первого раза не понимаешь?

– Пятнадцать, – смутившись, сказал Тобиас.

– Так собери свой мозг в бледный потный кулачок и подумай еще раз, о чем я тут толкую! Не хочу я лечить свою болезнь – я и есть синдром [Клайнфельтера](#) со всем его дерьмом и симптомами. – На руке Стига запищали часы. Он сосредоточенно пролистал сообщение. – Пора. По мою душу. – Он загадочно улыбнулся.

Тобиас заметил, что улыбка у Стига и правда женственная, похожая на улыбку Джаны или Эммы, – пухлые розовые губы, белые ухоженные зубы. Да и тело у него и впрямь округлое, с выступающими под майкой бугорками. Честно говоря, Тобиас полагал, что это у Стига от избыточного веса – откладывается некстати там, где совсем не следовало. А оказывается вот оно что!

– Мотаю удочки, пока мне не успели сделать «спасительный» укол, – спуская ноги с подоконника, сказал Стиг. – Они не понимают, эти врачи, что не все стоит лечить. Для них болезнь – как красная тряпка для быка. Тупо прут, с натиском, лишь бы избобрести «лекарство», жадно

осваивают гранты. Им не приходит в голову, что для некоторых то, что они величают болезнью – и есть суть их самих. Со всеми «нарушениями в хромосомах». Я не позволю менять себя. Пусть удавятся.

Стиг с глухим стуком приземлился в траву. Тобиас свесился через подоконник и посмотрел на него сверху вниз.

– Лады, чудило, будь здоров. – Стиг смущенно теребил лямки дорожного рюкзака. – Реально, Тобиас, ты хороший парень. Выздоровливай... Может, увидимся еще. Бывай! – Стиг побежал через сад, повернул налево в сторону реки и исчез из виду.

В траве оглушительно громко стрекотали цикады, на ветвях фруктовых деревьев звенели гирлянды из осколков стекол. Наконец решившись, Тобиас высунулся в окно и мешком свалился в мягкую траву. Только сейчас он заметил, что выпрыгнул в тапочках, но возвращаться не было времени. Чтобы нагнать Стига, Тобиасу пришлось прибавить хода, стараясь в то же время сохранять ровное дыхание и сердцебиение. Он еще раз мысленно поблагодарил доктора Робертса за поддерживающую терапию. Без нее он не смог бы пробежать и сотню метров. Стиг проскрипел по деревянным мосткам, силуэт его подпрыгнул и исчез во тьме. Тобиасу пришлось бежать трусцой, пригнувшись как можно ниже. Вода шепталась с ветром, от берега до берега тянулась лунная дорога. Тобиас свернул под причал и притаился в темноте. В воде, привязанная к опоре, болталась простая весельная лодка. Сидевший на веслах опустил голову и всматривался в экран планшета.

– Здорова, это я, – окликнул его из темноты Стиг.

– Давай скорее, пока тебя не хватились, – человек в лодке поднял голову, и Тобиас узнал в нем лучшего друга Стига.

Эдгар передал Стигу планшет, а сам навалился на весла.

– Драпаем отсюда. Будь они прокляты, дятлы хреновы, – выдохнул Стиг.

Весла с плеском упали на воду, и Эдгар, раскачиваясь на скамье взад и вперед, повел лодку вниз по реке. Больше ни Стига Нельсона, ни Эдгара Дюпье никто на острове не видел.

Взволнованный ночным посещением Стига, Тобиас проснулся раньше обычного. Он наскоро оделся и вышел в коридор, рассчитывая прогуляться и успокоиться до завтрака. Но в холле уже стояли доктор Робертс и прибывшие на остров рано утром мистер и миссис Нельсон. Тобиас не решился пройти мимо них. Он стоял и смотрел из-за угла на их растерянные лица. Женщина в элегантном плаще, с золотыми браслетами на обеих руках, вытирала покрасневшие от слез глаза платком с вышитым вензелем. Ее муж, отец Стига, был наделен неприятным, по-лошадиному вытянутым лицом и тонким, хищным носом. Он сдержанно жестикулировал, что-то объясняя взвинченному доктору Робертсу.

– Что ты тут делаешь? – Габи неожиданно появилась за спиной Тобиаса.

– Н-ничего... Смотрю... – растерялся Тобиас.

– Ты видел вчера Стига Нельсона или Эдгара Дюпье вечером, после ужина? – спросила она.

– Ну... В общем, я... – Тобиас испугался, сам не понимая почему.

Он вспомнил лицо Стига, его счастливую улыбку облегчения, когда тот в последний раз оглянулся на Институт Карпендера. «Будь они прокляты...», – прозвучал голос Стига в его голове.

– Нет, я ничего не видел, – прошептал Тобиас.

Габи внимательно посмотрела на него. Внимательнее, чем ему хотелось бы. Он отвел глаза.

– Хорошо. Если захочешь мне что-то сказать, приходи, – спокойно сказала она и пошла навстречу Нельсонам.

Инспектор Брайс проделал путь до острова Норт-Бразер в надежде зацепить крупную рыбу. Все-таки от природы он был сродни ишейке – пропажа ребенка, да еще и сына будущего сенатора Горация Нельсона, заставляла его сердце биться быстрее. Пару дней на поиски – и беглец будет у него в руках. А это значит целый ворох благодарностей от прямого начальства и высокого начальства из тех кабинетов, куда ему сейчас вход был заказан. Брайс уже потирал руки, стоя на носу катера, готовый спрыгнуть на сушу и впервые гордо шагнуть на территорию знаменитого Института Карпентера. Но победное настроение тут же сменилось настороженностью, когда у главного входа его встретила только медсестра.

– Добрый день, инспектор, мы вас ждем, – сказала она и провела его в пустой холл корпуса.

Брайс подумал, что ошибся, придав этому делу слишком большое значение. Но как только они дошли до кабинета директора с табличкой «Доктор М. Робертс», он вздохнул с облегчением. Из-за закрытой двери доносилась громкая мужская речь, плакала какая-то женщина, что-то тяжелое упало и покатилося по полу.

– ...Прекратите на меня орать! – взвился мужчина в белом халате, но осекся, как только инспектор вошел в кабинет.

Брайсу под ноги прикатился отполированный железный шар от брошенного на пол кубка или какой-то награды. Все в кабинете уставились на Брайса, даже женщина в углу перестала всхлипывать.

– А вот и вы, инспектор. – Гораций Нельсон, лицо которого Брайс видел каждый день в новостях, удостоил его внимательным взглядом.

И в кабинете наступила гнетущая тишина.

– Может, скажете что-нибудь? – прошипел Нельсон. Терпение явно не входило в число его достоинств.

– Прежде чем я что-то вам скажу, вы должны изложить произошедшее мне лично, – заметил Брайс.

Гораций Нельсон ткнул пальцем в пухлого директора, и женщина в углу ойкнула. Видимо, ей было что сказать, но Гораций жестом приказал ей помалкивать. «До нее дойдем позже», – подумал Брайс. «И, по-моему, это миссис Нельсон». Он видел ее несколько раз по ТВ, она стояла подле мужа, прекрасная, как статуя из мрамора, всегда с одинаковым выражением лица и широкой улыбкой. Сейчас она была похожа на прачку, весь день отпахавшую в горячем бельевом цеху: одутловатое лицо, опухшие глаза, растрепанные волосы. Брайс внутренне посмеялся – его бывшая жена по утрам выглядела примерно так же, с той лишь разницей, что кожа у нее была шоколадного цвета. Вот вам и статуя мраморная.

– Сегодня в два часа ночи Стиг Нельсон, молодой человек семнадцати лет, сбежал из Института Карпентера. Сбежал вместе со своим сообщником, Эдгаром Дюпье, – сказал доктор Робертс.

– Что еще за сообщник? – Брайс уже печатал заметки в своем планшете.

– Наш восемнадцатилетний пациент. Он уже почти прошел свой курс лечения. Осталась одна процедура, и скоро он должен был выписаться.

– Вы не заявили о нем, потому что он совершеннолетний? – прервал его Гораций.

– Да, это значит, он имеет право покинуть лечебное заведение по своему желанию, – ответил Брайс за доктора Робертса. – Продолжайте, доктор Робертс.

– Нет, не продолжайте, – закричал Нельсон. – Сначала объясните мне, что за хрен этот Дюпье, с которым умотал мой сын.

– Гораций, опомнись, что ты делаешь? – в ужасе произнесла его жена, еще глубже забившись в угол дивана.

– Этот молодой человек был лучшим другом вашего сына, мистер Нельсон. Они везде были вместе, резонно предположить, что они вместе и сбежали. По крайней мере, обоих нет на острове, – устало ответил доктор Робертс и сел в свое кресло.

– Ваш сын никогда не рассказывал вам о Дюпье? – уточнил инспектор Брайс.

– Какое это имеет отношение к делу? – Гораций посмотрел на него с ненавистью.

– Как какое? – Инспектору начинала надоедать эта комедия. Его не покидало чувство, что дело было не в побеге мальчика, словно Робертс и Нельсон выясняли между собой совсем другие вопросы. – Если вы не хотите давать мне полную информацию, я ничего не смогу вам гарантировать. Положим, ваш сын сбежал из лечебницы (доктор Робертс поморщился при этом слове) со своим другом, о котором вам почему-то не рассказывал. Тогда это меняет дело. Он еще не достиг совершеннолетия, и вы, как его родители, имеете полное право вернуть его домой. Не спорю. Но в таком случае вы, – он указал на миссис Нельсон, – мать, должны знать, что это за Эдгар такой, где он живет и куда они могли направиться. Да и вообще, стоит ли, так сказать... волноваться. Ну да это ваше дело.

Брайс вздохнул. В каком-то смысле он понимал мальчика – не хотел бы он идти поперек желаний Горация Нельсона. Этот коршун мог разорвать в клочья, чем и гордился.

– Ничего она не знает. А я поступлю так, как считаю нужным, – прошипел Нельсон. – Делайте свою работу, инспектор. Да, побыстрее. Пока вы тут рассусоливаете, мой сын улепетывает в неизвестном направлении.

– Я вас услышал, – спокойно сказал Брайс. – Доктор Робертс, в каком состоянии сейчас мальчик? Вы проводили ему процедуры, после которых ему может потребоваться медицинская помощь?

– Нет, мы пока ничего не проводили. Не успели. – Робертс испуганно посмотрел на Нельсона. Тот ответил ему холодным взглядом.

– Вроде пациент провел здесь достаточно времени? – спросил Брайс, заглядывая в свои записи.

– Точно. Он осваивался. Но для того, чтобы начать лечение, нам необходимо его согласие.

– Он несовершеннолетний. Разве недостаточно согласия мистера Нельсона? – удивился Брайс.

– По закону для проведения генетических процедур требуется личное согласие пациента. В случае со Стигом мальчик должен был адаптироваться к жизни в Cas9, найти здесь поддержку и понимание и согласиться на лечение.

– Значит, вы держали его здесь без его письменного согласия? – насторожился Брайс.

Елейный тон доктора не мог сбить его с толку, он видел предостаточно за время службы. Участники диалога все время переглядывались, словно боялись ляпнуть лишнего. И Брайс подозревал, что мальчик смотался отсюда не просто так.

– Не совсем так. Он мог бы покинуть остров, когда пожелает. Как и все наши пациенты. Они здесь не заключенные. С ним постоянно работала наша психолог, доктор Хельгбауэр. Она отвечала за адаптацию Стига, за его душевное равновесие, так сказать.

– И где доктор Хельгбауэр? Не вижу ее здесь, – сказал Брайс, впечатывая имя в протокол.

– К сожалению, инспектор, вам придется иметь дело только с доктором Робертсом и мной, – отчеканил Нельсон. – Потому что душевное равновесие моего сына не имеет отношения к его поискам. Вам уже понятно, что за медицинской помощью он не обратится, в деньгах у него нужды нет, потому что Эдгар Дюпье, будучи совершеннолетним, способен прокормить их обоих. Вот с него и предлагаю начать.

– А я предлагаю, будущий сенатор Нельсон, начать с расстановки всех точек над «и». Я вижу, что мальчика держали в Институте Карпентера – а это, нравится вам или нет, лечебное заведение – без его письменного согласия. То есть противозаконно. Мальчик покинул остров, на что имел полное право, со своим приятелем, на что, скорее всего, найдется с десяток свидетелей. Я не вижу особой необходимости в его поисках. Но если вы настаиваете, полиция тут же начнет работать над возвращением Стига Нельсона домой. И последний вопрос...

Брайс не знал, стоит ли спрашивать. Интуиция подсказывала ему, что ничего хорошего в ответ он не услышит. Но все-таки решился.

– От чего его собирались лечить?

– От генетического бесплодия, – тихо сказала миссис Нельсон.

– Простите? – удивился Брайс.

– Вы не ослышались. Гораций очень хочет внуков, – прошептала из своего угла женщина и снова заплакала.

Брайс посмотрел на нее и удивился, насколько красивой она снова стала. Как Мадонна, оплакивающая сына, – чистое открытое лицо, ясный взгляд, ни грамма пошлости в чертах, только бесконечная тоска по невозможному счастью.

Выйдя из дверей холла, Брайс ощутил необыкновенную легкость. Вокруг него в солнечном свете плыли зеленые кроны деревьев, в небе чертил белую линию самолет, до воды было рукой подать, и так вдруг захотелось сбросить тесную обувь и пробежаться трусцой к берегу, раскинув пошире руки. Но инспектор Брайс не привык давать волю чувствам. Не спеша он обошел часть острова по кромке, осмотрел берег. Он поглядел прямо, на маленький остров неподалеку. Биосады острова Рикерс были, по сути, таким же институтом, как и Институт Карпентера... Вряд ли они направились туда. Может, вниз по течению? Бог знает, как далеко могли уплыть двое здоровых и сильных парней на веслах. Точно на веслах – шум мотора разбудил бы всех вокруг, остров маленький, к тому же ночь. Откуда они взяли такую древность – лодку с веслами? С этого и стоило начать. А стоило ли? Брайс вздохнул и направился в сторону деревянного причала, где его ждал полицейский катер. Он спустит дело на тормозах, потом мальчику исполнится восемнадцать и все решится само собой. Зря Гораций Нельсон считает себя главным – он ошибается. К тому же от такого заносчивого мерзавца не дождешься благодарности. Все говорит о том, что пора бы старику Адаму Брайсу заполнить протокол, забыть про это дело и сыграть в шарики на компьютере – скоротать очередной рабочий день.

В кабинете доктора Робертса тоже все успокоилось. То ли Нельсон выдохся, то ли немного расслабился, добившись от полиции нужного ему ответа, но он сел в кресло напротив доктора Робертса и устало прикрыл глаза ладонью. Тем не менее Марк чувствовал, что разговор еще не окончен. В ту минуту, как он признался, что Стигу еще не сделали ни одной лечебной процедуры, он наступил на растяжку, и вот-вот должно было рвануть. Ему казалось, что в тишине назойливо тикает таймер.

– Стоит ли напоминать вам, доктор, об условиях нашей сделки? – Это был риторический вопрос, который Гораций задал обманчиво спокойным тоном, не открывая прикрытых рукой глаз.

– Послушайте, мальчик найдется, и мы все уладим, – сказал Робертс.

– Это в ваших же интересах. Но после того, что я здесь услышал, думаю, вам не удастся уговорить его ни на какие манипуляции. Я поручил вам своего сына в надежде, что при комплексном, так сказать, подходе вы сможете склонить его пройти лечение.

– Почему-то мне казалось, что его согласие вам не требуется, – спокойно произнес доктор Робертс.

– Отчего же. Не мне просить вас действовать вопреки закону и врачебной этике. Тем не менее мы с вами как-то поняли друг друга в начале знакомства. Особенно тогда, когда вы получили от меня щедрый транш на ваши исследования, – припомнил мистер Нельсон.

– На что вы намекаете? – настороженно спросил Робертс.

– Вы все уже поняли. Мой сын сбежал. Нет лечения – нет сделки, – холодно сказал Нельсон. – И мои «пожертвования» в пользу науки придется вернуть. В полном объеме.

– Вы шутите? – Робертс действительно испугался. – Мы закупили оборудование, заказали полный виварий животных, наняли нескольких специалистов на постоянную работу. Оборудовали целую лабораторию, в конце концов!

– Это ваши трудности. – Нельсон был непреклонен. – Если вы не выполнили свою часть договоренности, я отменяю свою. Наше с вами общение держится на честном слове. Но если вы кинете меня и не вернете мне потраченное впустую, я добьюсь введения ограничений на вашу работу по нескольким направлениям. Связей мне более чем хватает.

– Я понял, понял... – Доктор Робертс мерил шагами кабинет. – Давайте я попробую уладить дело миром. Мы привлечем свои силы для поисков вашего сына. Дайте мне время.

– Время у вас есть, Марк, – мягко сказал Нельсон. – Я не спешу. А вот вам стоило бы. Мы с женой будем ждать от вас хороших новостей.

Нельсон встал, в луче дневного света ярко блеснула золотая запонка. Жена поднялась вслед за ним. Чеканя шаг, он подошел к двери, но остановился.

– Вы потратили весь транш на исследования вакцины от старости? – спросил Гораций.

– Мы с доктором Ежи Ратаковски как никто верим в чудо, – твердо произнес Марк.

– В кулуарах сената поговаривают, что вы близки к сотворению чуда. Многие влиятельные люди крайне заинтересованы в вашей работе.

– У Ежи Ратаковски очень мощный стимул. Он не сдастся, пока не найдет способ остановить старение.

– С чего вдруг? – заинтересовался Нельсон.

– Его сын. У мальчика прогерия – в девять лет он уже словно глубокий старик.

– Ого, – не сдержался Нельсон. – У лучшего в мире генетика такой прокол с сыном... Если вам придется вернуть мне выделенное финансирование, это поставит крест на исследованиях Ратаковски?

– Конечно, нет. Как вы заметили, многие влиятельные люди заинтересованы в нашем успехе, – с гордостью ответил Марк Робертс. – Но мы потеряем много времени, добиваясь нового финансирования. Гораций, подумайте о сыне Ратаковски. У него времени нет!

– Так вот о нем я как раз и думаю... – вполголоса произнес Нельсон, глядя мимо Марка Робертса. – Нам с женой пора. Мы и так пробыли здесь непозволительно долго.

Кивнув на прощание, Нельсон вместе с женой покинул кабинет Робертса.

Но Гораций не спешил вернуться на материк. Он умел быстро ориентироваться в ситуации и молниеносно принимать решения. Отправив миссис Нельсон в главный холл, он прошелся по коридору, всматриваясь в таблички на дверях. Потом проделал то же самое на первом этаже. И только спустившись на минус первый, нашел то, что искал. «Ежи Ратаковски, д.м.н.» То, что надо. Нельсону было что предложить этому гениальному чудаку. Он знал, что никто не будет так заинтересован в возвращении и лечении Стига, как доктор Ратаковски. Достаточно было пригрозить Ежи отменой финансирования, и тот приложит все усилия для поиска беглеца. Можно было бы отправить в погоню за Стигом пару своих проверенных людей, но им пришлось бы начинать все с нуля. А эта история началась с острова, именно здесь будет намного быстрее отыскать зацепки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.